

Артем Владимирович Драбкин

«Из адов ад». А мы с тобой, брат, из пехоты...

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3950425

«Из адов ад». А мы с тобой, брат, из пехоты...: Эксмо, Яуза ; М.; 2012

ISBN 978-5-699-57870-2

Аннотация

«Война – ад. А пехота – из адов ад. Ведь на расстрел же идешь все время! Первым идешь!» Именно о таких книгах говорят: написано кровью. Такое не прочитаешь ни в одном романе, не увидишь в кино. Это – настоящая «окопная правда» Великой Отечественной. Настолько откровенно, так исповедально, пронзительно и достоверно о войне могут рассказать лишь ветераны...

Хотя Вторую Мировую величают «войной моторов», несмотря на все успехи танков и авиации, главную роль на поле боя продолжала играть «царица полей» пехота. Именно она вынесла на своих плечах основную тяжесть войны. Именно на пехоту приходилась львиная доля потерь. Именно пехотинцы подняли Знамя Победы над Рейхстагом. Их живые голоса вы услышите в этой книге.

Содержание

ЕВДОКИМОВ	4
АЙТАКУЛОВ	21
ВИННИК	28
КРУТСКИХ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Артем Владимирович Драбкин

«Из адов ад». А мы с тобой, брат, из пехоты...

ЕВДОКИМОВ
Владимир Тимофеевич

Литературная обработка Артема Драбкина

Я родился 14 августа 1923 года в деревне Пичулево Северского района Псковской области, в крестьянской семье. Семья была небогатой. В 1930-е годы мои родители вступили в колхоз, колхоз тоже был очень бедным, почти нищим. Когда мне исполнилось 7 лет, я пошел в первый класс. В 3–4 километрах от деревни, где я родился, находилась и сейчас находится деревня Борисинки. Там была школа, и вот в этих Борисинках я окончил семилетку.

Окончив семилетку в 1938 году, я приехал в Москву на Старый Арбат, в дом 35, напротив Театра Вахтангова. Приехал я к дяде моей мамы, Дарьи Сергеевны, Петру Сидоровичу Космачеву. Он был личным шофером Ленина, как и Гиль. Два личных шофера было у Владимира Ильича: Гиль и Петр Сергеевич Космачев. Дядя Петя был беспартийным, но человеком, преданным революции. В Москве каждому шоферу дали в Кремле по роскошной трехкомнатной квартире. Мама туда, к дяде Пете в Кремль, приезжала, по-моему, в год убийства Кирова. Все восхищалась. После своего бедного крестьянского дома – какая богатая квартира у дяди, как дворец. И вот он там жил с 1918 года до 1938-го. Когда Ленин умер, он возил других членов правительства, в том числе и Сталина. Но больше всего, как он говорил, возил Надежду Константиновну Крупскую, жену Ленина. Ну а потом, когда Сталин уже начал «чистить» Кремль от приближенных Ленина, – ну и мелкую сошку оттуда! И вот дядю переселили на Старый Арбат в 35-й дом, в квартиру Томского. Это была большая 4-комнатная квартира, и в ней ему дали большую комнату, метров сорок. Он жил там вместе с женой. В другой комнате жил Степанов, тоже шофер, работник Кремля. В третьей комнате жила Дарья Бородина, домработница Микояна. Она у Анастаса вырастила всех его детей, в том числе и генерал-лейтенанта и Героя Советского Союза Степана Микояна. И в маленькой 9-метровой комнатухе жил один мальчик, Витя Королев. Когда я приехал, он был старше меня года на 3–4. Родителей его я не встречал. Однажды его спросил: «Витя, где твои родители?» Он сказал, что отец был заместителем коменданта Кремля, расстрелян. Мать осуждена, в заключении.

Я поступил в Московский сварочный техникум на Сретенке. Война меня застала в Луганске, на паровозостроительном заводе, где мы проходили практику. Я помню, как митинг проводили, слушали выступление Молотова по случаю этой трагедии, начала войны. Я вернулся в Москву, а в июле месяце меня вызвали в райком комсомола. Секретарь сказал, что создается Московский комсомольско-молодежный противопожарный полк для борьбы с зажигательными бомбами. Полк был сформирован из мальчишек, студентов, молодых рабочих. Сначала численность полка была 5 тысяч человек, и он состоял из 16 рот, а роты состо-

яли из взводов. Наш взвод охранял район на Домняковке. Тогда же все школы были свободны – дети выселены и эвакуированы. На Домняковке была музыкальная школа, и в ней мы размещались, были на казарменном положении. Во время обстрела осколки градом стучали по крыше. В первую ночь на крышах некоторые бойцы были ранены. В следующий налет мы на чердаках дежурили. В один из ночных налетов я чуть не погиб, охраняя эту школу. Фугасная бомба попала в находившиеся рядом Спасские казармы. Я внизу стоял. Одна половинка двери была открыта. Хорошо, что я стоял у другой половинки, – взрывной волной со страшной силой дверь грохнуло. Окна все выбило, фуражку у меня сорвало с головы куда-то там. Едва нашел в темноте!

Вскоре меня направили в истребительный батальон Ростокинского района. Нас разместили на территории бывшей сельскохозяйственной выставки, и мы там учились бросать противотанковые гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Но должен сказать, что из окопа далеко противотанковую гранату, конечно, не бросишь. Она два килограмма – попробуй! Ну, максимум на 15 метров. Это надо быть сильным мальчишкой. Ну а бутылки эти – очень неэффективное средство. Пол-литра или литр специальной горючей жидкости. Запал, как карандаш, резинойкой прикреплен.

Однажды мы пришли в столовую на этой выставке, покушали, – наша рота человек 100 или больше была. Вышли, отошли, наверное, метров на 100–150 от столовой – и прямое попадание бомбы в эту столовую, где мы обедали. К счастью, все бойцы остались живы, а обслуживающий персонал весь погиб. Но должен сказать, что во время налетов фашистской авиации летом и осенью 41-го года я ни разу в укрытиях не был. Ни в метро, ни в бомбоубежищах.

– Вот многие говорят, «ракетчики» были. Вам не встречались?

– Я не видел. Был очень строгий режим: если окно не зашторено, просвечивает, – приходили, звонили. Очень строго было! А если объявлена тревога, то сирены режут, по радио: «Граждане, воздушная тревога!» Все это противно... После этого на улицах чисто. Мы ходили, патрулировали, – ни одного человека нигде.

16 октября пришлось Москве пережить, по сути дела, большую панику. По радио объявили, что метро не работает, закрыто. Немцы близко к Москве подошли, где-то в районе Химок. В этот день государственные учреждения эвакуировались из Москвы. С Казанского вокзала эвакуировался один из эшелонов Госплана. Жена Петра Сидоровича дала мне тяжелый рюкзак, с пуд, наверное, передать некоему Сергею Никитину. Я пешком со Старого Арбата пошел на вокзал. Нашел этого человека, а он отказался брать рюкзак, и я обратно вынужден был пешком идти. Вся Комсомольская площадь была заполнена машинами. Ну, думаю, такси возьму рублей за пять. Ни фига! Уже дерут огромные суммы! Прочел объявление: «Москва на осадном положении. Трусов и паникеров расстреливаем на месте». Мы читали – аж дрожь брала...

В октябре сорок первого в Москве решили создать четыре дивизии народного ополчения, в дополнение к созданным летом и погибшим под Вязьмой. Я оказался в 4-й Коммунистической дивизии Московского народного ополчения. В нее подскребали и истребительные рабочие батальоны, и рабочие роты. Все, что можно, – в нашу дивизию. Сформировали. Мы располагались в Серебряном Бору, на даче Хрущева. Вскоре нашу дивизию включили в состав 16-й армии.

Так как у меня был высокий рост и три курса образования, меня зачислили пулеметчиком станкового пулемета «максим». Пять или шесть человек расчет был. Я сначала вторым номером был, а потом приходилось и первым быть. Весь расчет мог стрелять, не только первый номер. Ну, там несложно. Рукоятки эти, нажал, и «тра-та-та». Зимой сложность была в том, что вода замерзала – ствол не двигается. Антифриз-то потом появился. Еще сальник

надо было перематывать. Туго намотал – не двигается, слабо – протекает. Довольно несовершенный вид оружия был. Ау немцев пулеметы с воздушным охлаждением и металлической лентой. А эта матерчатая лента на 250 патронов отсыреет и потом не входит в гнездо. Так специально такие расправители гладкие были. Вот вставляешь и крутишь, расширяешь эту материю. И потом туда патрон. Это ж медленно все! Никаких машинок для набивания не было! Естественно, случались перекосы.

Дивизия оборонялась на Волоколамском направлении. Поскольку ополченческая дивизия была слабо обучена, то ее поставили во второй эшелон. Позиция нашего пулемета была в нескольких километрах западнее Троице-Лыково, где последнее время жил Солженицын. Огневая позиция была уже подготовлена – стоял замаскированный железобетонный колпак для пулемета, вход в сообщение во весь рост выкопан, но блиндаж еще не готов. И вот так мы в Троице-Лыково в одном доме недели две располагались.

Морозы сильные. Дежурить ночью тяжело. Днем один человек дежурил, а ночью обычно два. Спать хочется! У нас у каждого была винтовка. Она же длинная, со штыком, неуклюжая. Однажды я с дежурства пришел, разрядил винтовку. Почему-то мы в блиндаже их разряжали. Собираемся завтракать. День был морозный, солнечный, красивый день. Вдруг к нам в блиндаж заходят два генерала. Мы тут в своих солдатских шинелишках, сереньких, замусоленных, грязных, – окопные все. А генералы в роскошных, богатых, красивых шинелях. Жукова я сразу узнал. Второй генерал – Артемьев, командующий Московским военным округом. Ну, я так думаю, видимо, у нас был неплохой блиндаж и неплохой расчет, потому к нам и привели командующего фронтом. Побывали у нас они пару минут, может, три. Поинтересовались службой, как кормят. Жуков спросил: «Ну как, пулеметчики, думаете? Удержим Москву?» Ну, мы там пропищали: «Удержим, товарищ командующий». Он сказал, что тоже так думает, и они пошли. Вот такой памятный день!

В декабре кадровые войска пошли в контрнаступление, а мы так и стояли. Я не знаю, как там другие полки, а наш 436-й полк, как помню, не участвовал в боях. Когда немцев уже отогнали километров на 150–200, тогда нашу дивизию сняли с обороны, погрузили в эшелоны и по железной дороге эшелонами отправили под Ржев, на Калининский фронт. Когда во время движения эшелона по железной дороге были налеты, то объявляли тревогу. Мы из вагонов выскакивали с пулеметом, потом обратно возвращались. И так несколько раз. Ну, во время движения в наш эшелон ни одна бомба не попала. Приехали мы, выгрузились и оттуда уже ночными маршами пошли. Надо было осуществить марш на 120 км к линии фронта. Мороз! Шли только по ночам. Холодина! У тебя тут и гранаты, и вещмешок. Мы в валенках и в телогрейке были. Все обвешано. И плюс еще на лыжах, по два человека тащим пулемет, поставленный на лыжи. Очень тяжело было. Шли, ну просто на ходу спали. Как только привал – все сразу спят. Как мертвые все равно что. Очень тяжелый марш был, страшно тяжелый. И когда после войны, лет, наверное, через 15–20, я встретил одного однополчанина, первый вопрос был: «А ты помнишь, Володя, тот марш?» Страшно это! Как бой непрерывный. Ну, пришли, конечно. Расположились в лесу. Кухня кашу сварила, хлеб достали. Буханки замерзшие, их никак нож не берет. Топорами рубили хлеб. Ну, короче говоря, вывели нас на опушку. Морозная ночь, луна светит красивая. Исходное положение для атаки заняли, и все, ждали. И вот на рассвете красные ракеты, и наш московский ополченческий батальон, человек 500–600, хорошие ребята, пошли в атаку по снежному полю. Ни одного артиллерийского выстрела, ни одного танка, ни одного самолета. Ничего. Просто бросили батальон на расстрел. До восхода солнца мы пошли. Как только от леса отошли, с высоты немцы открыли по нам огонь. Батальон продвинулся на каких-то метров 150–200 и залег. Солнце взошло. Немцы, когда батальон залег, открыли минометный огонь. Минометным огнем начали давить наши пулеметы. В том числе и наш пулемет. Одна из мин очень близко разорвалась. Пулемет опрокинуло. Меня контузило. Я, наверное, полдня не мог гово-

рять. Ну, сменили позицию, стреляли. Батальон лежит. Появились раненые. Стоны в этом морозном воздухе. Крики: «Помогите!» Солнечные тени. Снег чистый, белый. Раненый ползет, а за ним кровавый след. Кровавый снег... Стемнело немножко. Мы уже выносили с поля боя раненых. Я уже во весь рост ходил. Сначала на палатках вытаскивали, потом во весь рост. Немцы стреляют, пули свистят. А мы молодые!.. Короче говоря, вынесли всех своих раненых с поля боя, оставили на опушке поля охранение и пошли в лес. Там полк в окружении оказался. И кушать нечего было. В общем, тяжелая обстановка. Я обморозился. Тут вот пальцы были почерневшие, ногти сошли. Один палец с этого времени до сих пор кривой. Все опухшее. И потом голодание. И вот такого ослабленного меня отправили в медицинский пункт полка, потом – дивизии. И тогда уже в госпиталь.

Я пешком пришел в санитарный батальон дивизии. Там были натянутые двойные палатки, печки – тепло. Дали гречневой каши с мясом. Я наелся там, отоспался. А потом на машине нас отвезли на станцию Оленино. Уже с машины я не мог вылезти. Меня на носилки – и на носилках в санитарный поезд. А вагоны «телятнички» – нары в два этажа, печушки. Меня на 1-й этаж. Ну, тут белый хлеб с маслом, чай. Тут уже рай! Привезли в Москву в госпиталь. В Марьину Рощу. Больше двух месяцев я там лечился. Вылечился.

– Как Вы восприняли начало войны?

– Как горе, конечно. Это было большое, всенародное горе. Отступление воспринималось очень трагически. Все люди понимали, что войска отступают, большие потери несут. Конечно, это большая трагедия! Убитые, раненые, покалеченные, горят деревни, горят города! В сорок четвертом году и мою родную деревню сожгли. Уже и нужды-то не было! Там деревушка 15 домов, крыши соломенные. Команда на мотоциклах, с факелами, «пум, пум, пум»... Лето, июль, и все русские деревни они выжгли. А рядом латвийская граница, – и в Латвии, Эстонии, Литве этого уже не было. Конечно, да, это великое горе, великая трагедия для народа, для страны.

– А как изменилась жизнь в Москве с началом войны? Что произошло? Как изменилось настроение людей?

– Конечно, люди ходили мрачные, без всяких улыбок, придавленные великим горем. В магазинах сначала продавали все. А потом, я уж не помню какого числа, ввели карточки. Тут уже по карточкам, норма ограничена.

– А когда Вы были еще в ополчении, в истребительном батальоне в Москве, довольствие нормальное было?

– Нормальное. Нас хорошо кормили.

– И я так понимаю, что вот когда Вы уже попали на фронт, одежда была у вас соответствующая?

– Да. Вот я ж и говорю: нательное белье, кальсоны с завязками, теплое белье, рубашка теплая. Брюки ватные, телогрейки, шапки-ушанки, рукавицы. Все очень тепло были одеты. И кормежка была очень хорошая. Даже во время наступления. На передовую в термосах по ночам доставляли еду. Ну, были там перерывы иногда, когда еда была не вовремя. А так очень строго все.

– В сорок первом году вши были?

– О, еще как! Что вы! Ой, грызли солдат, в том числе и бойца Евдокимова. Иногда нас меняли и в баню водили. Помню, шли через вырубку. Весь лес спилен, торчат только метровые пни против танков, а деревья навалены в сторону запада. В бане все белье, начиная

с нательного и до шинели, прожаривалось. Пока мы моемся там, все уже чисто. Все они погибли. Неприятный вопрос, и неприятно было с ними.

– **А каким был первый Ваш расчет, вы помните?**

– Были в основном молодые, но были и постарше меня. Помню, что расчетом нашим командовал лейтенант невысокого роста, в эшелоне, когда ехали, песни пел. Почему он командовал расчетом?! Вот это я не знаю. Или он чем-то провинился? Раз лейтенант, уже взвод надо было давать.

– **Когда Вы попали в госпиталь, какое было отношение к раненым? Раненые стремились на фронт или уже нет?**

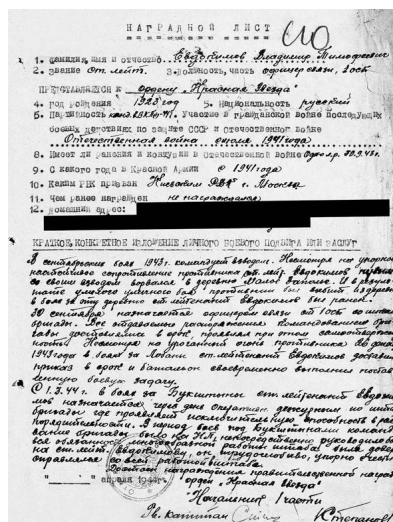
– Ну, если говорить о желаниях раненых, то всякие были – и так, и так. Человек, когда уже побывал в бою, если он искалечен, сильно ранен, – конечно, у него особого стремления снова идти в атаку не было. Ну а так, если у него небольшое ранение какое-то было, его вылечивали и, не спрашивая, снова отправляли на фронт. А я так был обморожен, так истощен в окружении, что медицинская комиссия меня, солдата, пацана, приняла решение демобилизовать. Война в разгаре, а этого солдатику уволить. А куда? Я перепугался! Ой, я помню, что начал тогда прямо просить комиссию оставить меня в армии. Я им не сказал, что я в Москве живу, а сказал, что мне негде жить: «Там карточки, голод, кому я нужен? Умру на гражданке!» Упросил. И меня оставили при госпитале, в Марьиной Роще, где были команды выздоравливающих. И вот мы ходили там, какие-то подсобные работы выполняли, что-то подносили. Когда поступает раненый, дают большой мешок, и туда все его обмундирование. И оттуда, если кого выписывают, обмундирование доставали. У меня обмундирование было все хорошее, фронтовое. И пока меня лечили, все это украли. Мне там старое наскребли, в том числе и английскую шинель. Она тонкая, холодная...

Я понимал, что раз попросился, чтобы меня оставили, то, значит, снова на фронт. Вскоре объявили набор в пехотное училище. И меня, имевшего за плечами три курса техникума, отправили в Пуховичское пехотное училище, в город Великий Устюг Вологодской области. Туда было эвакуировано училище из Белоруссии. Вот там я полгода и учился. Тяжело. Казарма огромная, нары в два этажа. Человек 100 или 150 в казарме. Дров нет. По утрам в 5 часов подъем, идем на реку Сухона. Там обледеневшие бревна носим, пилим... А занятия – тактика в поле, стрельба. Мороз! Ужас! Очень тяжело. И кормежка слабоватая была. Перерыв, где-нибудь у печки греемся, – все про еду рассказываем. Как было хорошо! К осени в лес уйдешь, а там полно шиповника: красный, вкусный. Вот по выходным я им наедался.

– **Учили тому, что пригодилось на фронте? Или было много того, что на фронте не нужно?**

– Учили, конечно, тому, что надо на фронте, но на фронте по-другому все бывает... Нам говорили: «Артиллерия проведет артподготовку, авиация отбомбится, и вы за танками в атаку пойдете». Мы без танков и без авиации ходили в атаку. Только два раза в операции «Багратион» мою роту авиация поддерживала. Один раз помню, наступали опушкой леса, вышли на поле, тут команда: «Подождите, не наступайте». Наши штурмовички, две пары, по два захода сделали по немцам. В другой раз высоту надо было брать. Тоже говорят: «Подожди». Я еще засомневался: «Быть может, провокация? Не выполню боевую задачу!» Но нет, вскоре тоже две пары штурмовичков по высотке прошли, и мы без потерь захватили ее. Атак плохо было.

Окончил училище в январе 43-го. Присвоили нам звания лейтенантов. От Великого Устюга до железнодорожной станции в Котласе идти пешком около ста километров. Шли только днем. Никто не бомбил. Пришли, там уже готовый эшелон. Сели в общие вагоны. Нам там печенье дали, папиросы, и мы приехали в Москву. Меня из Москвы определили опять на Западный фронт, в район Вязьмы. Я попал в отдельную 36-ю стрелковую бригаду, где мне дали взвод автоматчиков. На фронте нам выдали какие-то защитные жилеты. «Штурмовые», как их называли. И мы ходили в бой с этими жилетами. Они неудобные, и их быстро отменили. Летом 1943 года мой взвод охранял мост на реке Угре. Вскоре бригаду включили в состав 33-й армии Западного фронта. В бою за населенный пункт за рекой Проня я был ранен осколком в лицо. Мне несколько зубов выбило. Подлечился, не покидая бригады, и дальше воевал. Под Витебском очень тяжелые бои были. Бригада почти вся погибла. Командовал 33-й армией генерал Гордов, который был потом расстрелян. Гордов был жестокий человек. Я его не видел, но те, кто видел, говорили, что он страшно жестокий человек был. Там, зимой 1943 года, он нашу бригаду и погубил... В бригаде было четыре стрелковых батальона и еще минометный и пулеметный батальоны. Гордов дал бригаде полосу шириной метров 800 и боевой порядок приказал построить в три эшелона: батальон, батальон, батальон. Ну, артиллерийскую подготовку провели мощнейшую. Артиллерии очень много было. Но оказалось, что это огромное количество снарядов было выложено по ложному переднему краю. Истинный передний край немцы оттянули вглубь на 2–3 км, а разведку не провели, отстрелялись по пустому месту. Бригадой командовал полковник, он был высокого роста, и его Гордов прогнал на передний край. Зима, красивый день. Он пошел и меня взял в сопровождающие. Ну, я вышел на передний край, а он до переднего края не дошел, где-то на КП батальона остался. Батальоны пихнули вперед на неподдавленные огневые точки. Потери были большие. Приезжала комиссия Государственного Комитета Обороны, вела расследование.

В мае сорок четвертого года бригада уже входила в состав 5-й армии, которой командовал генерал-полковник Крылов, впоследствии Маршал Советского Союза и Главком Ракетных войск стратегического назначения. Бригаду расформировали под Витебском, и меня, старшего лейтенанта, отправили командиром роты в 494-й полк 184-й дивизии 5-й армии 3-го Белорусского фронта, которым командовал прославленный полководец, генерал армии Иван Данилович Черняховский.

Вот с этой ротой, по-моему, 23 июня я начал знаменитую, очень успешную Белорусскую стратегическую наступательную операцию четырех фронтов: трех Белорусских, одного Прибалтийского.

Артиллерийскую подготовку провели. И какую мощную! Все отлично было подготовлено. Подавили точки. Никакого сопротивления немцы не оказывали. Мы поднялись, я и все другие, пошли, а стоит пыль, дым – ничего не видно, трудно ориентироваться. Кое-где там стрекочут немецкие пулеметы. Мы пошли, прошли несколько линий немецких траншей без всяких потерь. Мы дошли до Богушевска. Стоят наши танки 120-й танковой бригады, приданные нам как танки НПП – запыленные, грязные, без горючего. А тут нам повезло, как я потом уже узнал. Танковая армия Ротмистрова по замыслу вводилась там где-то, левее. Но поскольку наша 5-я армия имела большой успех, поэтому уже в ходе операции танковую армию перекантовали в полосу нашей армии и ввели у нас. Горючее у них было, и самолеты их поддерживали. Они далеко вперед ушли, и мы уже в июле шли маршем, километров по 20 в сутки. Никакого сопротивления! Ну, бывает, где-нибудь там группка небольшая в лесах застрянет. День идем, на ночь располагаемся отдыхать. Надо и покушать, и отдохнуть. Блестящая операция, блестящая!

Так мы Белоруссию прошли. А в Литве, тут уже побольше сопротивление нам начали оказывать. Немцев мы хорошо потрепали, но они, мерзавцы, подбросили свою 6-ю танковую дивизию. Вот она нас мучила здорово! Эти бесконечные танковые контратаки. Помню, 14 августа была сильнейшая контратака. Рота впереди по канаве расположена, я от роты, может, метрах в 200 был, в блиндаже у хутора. Бруствер зарос травой, нас не видно. Сажу я и со мной солдат. Танк ползет прямо на наш окоп. Ну, громадина, со свастикой. С пушки стреляет, с пулемета стреляет. Солдат не вытерпел: «Бежим!» А куда? Если выскочишь – он сразу расстреляет. Ну, а если на старый окоп наедет, то, может быть, не задавит. Но слава богу, метров 10–15 не доходя до нашего окопа, он свернул. Там собачья упряжка была для вывоза с поля боя раненых. Он, видимо, заметил ее и пошел давить. Несколько танков нашими «сорокапятками» и 76-миллиметровыми пушками были подбиты на пшеничном поле. Пылают как факелы, а один или два танка прорвались в тыл роты и батальона. Они постояли, по пехоте нашего батальона поерзали и обратно ушли. Страшно все это... Бой... И сколько таких контратак было!

17 августа 1944 года, в три часа ночи, я получил приказ на атаку. До границы с Восточной Пруссией километра 2–3 оставалось. Хорошая уже рота была – пополнили, а то, как правило, некомплект, солдат мало, они измученные. В этой операции были моменты, когда человек 30–35 всего в роте оставалось. Тишина, утро, мы до восхода солнца развернулись. Ну как на картинке! Моя рота, как и весь батальон, пошла в атаку. Без артподготовки, тихо пошли. Овсяное поле. Немцы не стреляют, мы тоже. Ну, когда уже метров 100 прошли, немцы видят, что их атакуют, и открыли огонь с пулеметов, с автоматов. Местность у них повыше была. Залегли, отстреливаемся. Взошло солнце. Артиллерии нет, танков нет, авиации нет – ничего нет. Вот тебе и поддержка! Рядом штрафная рота наступала. Они тоже лежат. Я вскочил, подумал: «Быть может, подниму?» Перебежал к штрафникам, по траншее. А надо сказать, штрафники – более здоровые люди, бывалые. Никто на меня внимания не обращает. Я командира роты пытался найти, но не смог. Побегал немножко. Думаю, нет, с ними кашу не сваришь, да еще мало ли, скажут, что я роту на поле боя бросил. Вернулся в свою роту, и так, помаленечку, перебежками, мы медленно продвигались вперед. Помню, заместитель командира полка по политической части майор Плеханов приполз ко мне: «Ну как? Давайте, держитесь». Ну потом, правда, подошел полк самоходной артиллерии. Сзади занял огневые позиции. Самоходчики начали подавлять огневые точки. Тут уже полегче стало. К семи часам утра следующего дня мы достигли границы. Моя рота понесла большие потери. Я уже был опытный, 9 месяцев ротой на фронте командовал, и никогда таких потерь не было. А тут... Мы на высотку вскочили, а внизу шоссе и канава. И мой один взвод рванул в эту канаву. А у немцев там стоял пулемет, и он кинжальным огнем весь взвод скошил.

В роте осталось 19 человек, а было 50 или 55. Ну, я думаю: «Все, Евдокимову трибунала не миновать». Ведь я же понимаю, что это огромные потери. Нашей 184-й дивизией командовал генерал Басан Городовиков – калмык, рослый, красивый, смелый, умный. Потом мы несколько раз с ним в Москве встречались. Поскольку мы первые «достигли логова зверя», несмотря на такие большие потери, двух ротных – меня и капитана Матихина – представили к званию Героя Советского Союза. 24 марта 1945 года был указ!

Под Тильзитом, в Восточной Пруссии, я стал уже командиром батальона, потому что комбат был ранен. На высшие курсы посылали только комбатов, а ротных не посылали. Так Городовиков быстро оформил приказ и меня туда отправил. Он хорошо, по-отечески ко мне относился. Пока решение принималось, я опять стал командиром роты. Мы на фланге были. Фронт роты большой, расстояние между солдатами метров 200–300. Так я уже по два солдата поставил. А сам, когда ходил проверять, в руке «лимонку» держал, чека на пальце. Думаю, если меня в плен потащат внезапно – подорвусь. Однажды утром потянули меня в штаб батальона, полка, потом к комдиву. Я утром пришел в своей грязной шинели, – он-то от передовой в десяти километрах! Роскошный дом, стол, тут все: закуска, бутылка коньяка. Генерал по рюмочке налил, выпили. Потом еще одну налил. А я же голодный, уставший. Больше не надо.

Вот так выглядел командир батальона, полка, потом к комдиву. Я утром пришел в своей грязной шинели, – он-то от передовой в десяти километрах! Роскошный дом, стол, тут все: закуска, бутылка коньяка. Генерал по рюмочке налил, выпили. Потом еще одну налил. А я же голодный, уставший. Больше не надо.

Вот так выглядел командир батальона, полка, потом к комдиву. Я утром пришел в своей грязной шинели, – он-то от передовой в десяти километрах! Роскошный дом, стол, тут все: закуска, бутылка коньяка. Генерал по рюмочке налил, выпили. Потом еще одну налил. А я же голодный, уставший. Больше не надо.

Когда я приехал на курсы «Выстрел», никому не говорил, что на Героя представлен, а сам все так на «Красную Звезду» поглядывал. А махорку солдатам давали пачками. Именно махорку, папирос не было. И бумаги не было, – так бывало, что и газеты мотали, скручивали и курили. Однажды капитан Кудимов подходит и говорит мне: «Володя, смотри: тебе Героя присвоили». А он собирался уже папиросу свернуть, но прочел мою фамилию. Взял этот обрывок, смотрю, есть ли другие знакомые. И точно, офицеры Мозейкин и другие. Все! Есть! Я с этим обрывком газеты к полковнику, начальнику курсов. Говорю: «Вот так. Разрешите в Москву съездить». Приехал в Москву в наградной отдел. Там наградной отдел был где-то в центре, около Кремля. Мне девушка раз-раз, полистала: «Нет вашей фамилии». Я ей опять этот огрызок газеты. Говорю: «Ну, еще посмотрите. Вот же напечатано». Она посмотрела и говорит: «Есть! Какой молодой, и Герой!» А мне 21 год. Ну и все! Время вручения было назначено на 9 мая. И я от 35-го дома, по Арбату, мимо Военторга пошел туда. Там уже пропуска были заказаны: 200 человек награждали, в том числе 12 человек Героев Советского Союза. Калинин болел, и нам другой человек вручал награды. Пришел Красников, поздравил. Быстро так все: за час вручили награды. Никакого шампанского, ничего. Ну, дали вот

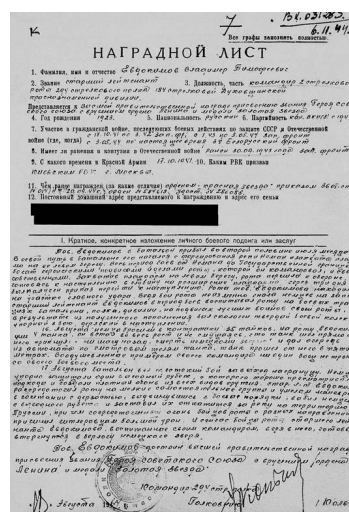
большую грамоту такую и маленькую книжечку. Звезду прикрутили. Товарищу прикрутили орден Ленина. А Красная площадь вся забита народом. Ночью дождик прошел, солнце, красота. Народ ликует. Все нас начали обнимать, целовать, качать. Я про себя думаю: «Сейчас Звезду «откачают». Держу рукой! Вырвался – и скорей, скорей пешечком пошел на Арбат. И вот у меня был фронтовой друг, Коля Горбунов. Он воевал под Тильзитом, сам ленинградец. Тут соседи, все. За праздничным столом отмечали День Победы.

– Дубликаты Звезд когда стали делать?

– Начали сразу. Сначала неофициально. После войны, может, лет 30 или 40 прошло, когда начали официально дубликаты делать.

– Личное оружие какое использовали?

– Сначала «наган». Очень плохое оружие, конечно. В нем барабан на семь патронов. На морозе смазка застывает и барабан не вертится. При возможности все мы немецкими «парабеллумами» старались запастись. Он в руке лежит устойчиво. Я из него в лесу один раз белочку подстрелил. С «наганом» такая история связана. Когда мы стояли в обороне под Москвой, в дивизии один казах обрубил себе пальцы на правой руке. Ну, там же быстро – утром арестовали, а к вечеру расстреляли. Решили сделать показательный расстрел. И с каждого стрелкового отделения послали туда солдат. С нашего пулеметного расчета я был выделен. Много нас было! Где-то недалеко от Троице-Лыково было большое поле, и нас там много собралось – быть может, 700 или 800 человек. Построили нас буквой «П». Пришли в черных полушубках офицеры СМЕРШа, привели этого мужика лет тридцати. Зачитали приговор: «...к расстрелу за умышленное членовредительство». Ему конвой скомандовал: «Шагом марш». И он пошел. Снег глубокий. Он идет на край оврага. А там уже заранее или ров, или могила была вырыта. И сзади за ним идет в полушубке вот этот офицер СМЕРШа, который должен его расстрелять. Ну, тот немножко прошел, может, метров 30–40 по снегу. Офицер достает из кармана «наган» и сзади ему в упор, буквально в метре-двух от него. Щелчок! Осечка! Все слышно. Тишина жуткая! Человека убивают! Он еще раз! Осечка! Только на третий раз раздался выстрел. Он, конечно, упал. Офицер потом подошел и в голову еще выстрелил. И тут уже солдаты другие подошли: прикладами его небрежно в овраг скинули. Все. Никаких речей, ничего. Развели по частям.

Надо сказать, в моем подразделении случаев умышленного членовредительства не было. Один раз солдат прострелил себе мягкие ткани под мышкой. И то, я думаю, неумыш-

ленно. У ПППШ был несовершенный предохранитель. Если по нему сильно ударить, он отскочит и догоняет патрон в патронник, и на очереди стоит. Но его в СМЕРШ забрали, и больше я его не видел.

– **А так, чтобы «голосовали»? Скажем, руку над окопом поднимали, чтобы прострелили?**

– Не знаю. Я в обороне в Белоруссии и на реке Шешупе долго в обороне сидел. Ничего такого не было.

– **Каким еще оружием пользовались?**

– ПППШ. Несколько недель носил снайперскую винтовку. Потом появилась симоновская винтовка. Она получше «мосинки». С ней-то я и обморозился под Ржевом. Что касается ПППШ, то большим недостатком было то, что затвор легко соскакивал с предохранителя.

– **Вот один из командиров взводов говорил, что у него в основном пистолет был, потому что задача командира роты или командира взвода – это не стрелять, а именно организовывать бой?**

– Ну конечно, основная задача – управлять людьми. Очень непросто, когда люди очень долго в обороне сидят, потом их поднять в атаку. Привыкает человек к своему окопу, а тут надо вылезать и во весь рост идти в атаку. А тебя же враг расстреливает в упор из всех видов оружия: из автоматов, из пулеметов, бьют минометы, артиллерия, танки. Это ад кромешный! А задача врага в данном случае – положить атаковую цепь: нанести максимальные потери и положить. Цепь легла – и все. Атака захлебнулась. Никто вперед не пойдет – ни танки, ни артиллерия.

Случаев уклонения от выполнения приказа, отказа идти в атаку я не знаю. На поле боя командир в случае неподчинения приказу имел право расстрелять бойца. Бойцы это знали. К счастью, мне не приходилось расстреливать. Ни одного. А на особо опасных направлениях были заградительные отряды. Что это такое? Это тоже лучшие наши солдаты, лучшие наши офицеры, хорошо обученные. Они входили в состав НКВД, носили синие погоны. У меня был один случай под Витебском, когда за моей спиной оказался заградительный отряд. Ведем тяжелейший бой. Сопки сплошные. Я лейтенант, командир взвода. Вперед продвинулись, захватили немецкие траншеи. Сидим в траншеях. А справа – другой полк или другая дивизия, сплошные узбеки. Они текут с поля боя. Одного ранило, а шесть человек его тащат: два под руки, два за ноги, пятый винтовку несет, шестой рюкзак. Выставили заградотряд. И сзади меня слышу, кто-то кричит: «Вперед!», и матом. Я оглянулся. Лейтенант с этими, с синими, погонами. Он буквально в 3–5 метрах от меня, и автомат на меня направлен. Я ему говорю: «Ну что ты? Подожди. Сейчас бежать будем». Я в пылу, видать, его на «ты» назвал. Он в меня стрелять не стал и вмиг исчез...

– **А национальный состав Вашей роты какой был?**

– Интернациональный. Много русских. Когда освободили западные области Белоруссии и Украины, тут уже большая часть была с этих областей белорусов и украинцев. Помню, грузин был – сержант, высокого роста, боевой. Связным у меня был Голиков. Здоровый мужик! Рост у меня и у самого приличный, – если ранят, то маленький меня и не вытащит. Потом был Петровский – уже пожилой, за 40 лет. У него жена, дети – он всегда остороженько себя вел. Старается иногда в какое укрытие, в канавку залечь, не торопиться.

– **Среднеазиатское пополнение у Вас было?**

– Было...

– **Много?**

– К сожалению... Воевали мы, наверное, уже в Литве. Рота понесла потери. Несколько раз маршевые пополнения приходили, но к этому моменту в роте человек 30 осталось. И однажды, перед наступлением, вечером в роту человек 15–17 узбеков прислали. По-русски не говорят, ходят только толпой: по одному боятся. Оружие там знают или не знают? Кто разберет... Вечером прислали, а утром в атаку идти. Вот они толпой в атаку и пошли. Во время боя, смотрю, их в воронку набилось человек семь. Попал снаряд, и всех их там... Очень сырой, неготовый материал. Ведь как получается? Вот маршевая рота приходит на фронт – фронт себе отбирает самых лучших, потом армия, потом корпус, дивизия, полк. А в роту попадают уже самые отбросы человеческие. Самого плохого качества. Вот так было! Вот тебе и пехота, «царица полей».

– **Все, с кем я разговаривал, говорят, что хуже пехоты вообще ничего нет.**

– Это ад. Вообще война – ад. А пехота – из ада в ад. Ну на расстрел же идешь все время! Первый идешь! А я ж вам говорил, как весь огонь, вся масса огня на этих людей!

– **Не было желания перейти в какой-нибудь другой род войск?**

– Нет, не было. Вот, помню, я как-то заглянул в танк. Там снаряжение, теснота, а тут хотя бы на воле! Нет... абсолютно не было.

– **Вот еще мне говорили многие ветераны, что был в роте, во взводе, костяк. Какие бои ни были, но вот он держался. Какие-нибудь 5-10 человек. Вот придет маршевая рота. Их повыбьют, а все равно какой-то костяк держался. Вы не замечали такого?**

– Это правильно говорят. Конечно, есть и был и в роте, и во взводах. Во-первых, это сержантский состав, обученный, подготовленный. И были умелые опытные бойцы. Вот таких очень часто забирали, чтобы перемешать с маршевым пополнением, чтобы усилить их боевые качества. И мне приходилось раза два из своей роты хороших бойцов отправлять в другие роты. Не хотели уходить! Помню, один боец был, пожилой уже, он плакал. В бою же они никого, кроме ротного, не знают. Они только тебя, командира роты, знают. Идешь в бой. Раненые стонут, кровь течет на поле боя. Он видит и просит командира роты о помощи. А тут бой кипит, надо управлять. А санитар, когда он там подойдет с сумкой? Ко всем сразу не подойдешь...

Опорой командира роты были комсомольцы. Я в партию вступил в сорок четвертом году, и молодежь, комсомольцы – моя опора. Очень хорошо партийная, политическая работа проводилась среди личного состава.

– **Возрастной состав роты какой был?**

– Молодежь в основном. Но с Украины и Белоруссии уже и пожилые были, а так в основном молодежь.

– **Были такие, из окружений сорок первого года?**

– Нет, таких не было. Не было у меня в роте людей из окружений.

– **Чего больше боялись? Плена, смерти или быть покалеченным?**

– Плена, само собой, разумеется... Я говорил, что ходил по ночам с «лимонкой» в руках. А смерти... Молодой еще! Как-то не очень думал об этом. Пожалуй, больше всего – быть покалеченным. Беспомощным оказаться на поле боя. Помощи нет, искалеченный, не дай бог в плен попадешь! Больше всего этого боялся.

– **Вы были морально готовы к тому, чтобы использовать последний патрон на себя?**

– Я же с «лимонкой» и ходил. Абсолютно не вопрос. Я и ходил по ночам, готовый к смерти в любой момент.

– **Скажите, вот мне еще один из командиров говорил, что для солдата самое главное было, чтобы был накормлен, чтобы знал, за что воюет, чтобы верил своему командиру. Вы считаете, что это действительно так? Или что-то еще можете добавить?**

– Это правильно. Накормлен, вооружен хорошим оружием. Ну, за что воюет... Солдату в таком большом масштабе, там «за Родину», «за Сталина» – не важно. Ему надо разъяснить, что он за своих близких воюет. Вот это, пожалуй, для него главнее, чем что-то глобальное. Вот сказал, что ты воюешь за мать, сестру, девушку знакомую. Это важно! Близкие в сердце доходят. А так это все правильно.

– **Что ближе все-таки, родственники или фронтовое братство? Мне один из солдат уже говорил, что очень много значат конкретно 2–3 человека, группа. Один за другого.**

– Конечно. Тут я не делил бы. Я бы параллельно два этих условия поставил. Оба они значимы для человека, для бойца, для солдата. Родственники и эта группка, на которую он надеется в бою. В случае чего они его вытащат в укрытие. Я бы не давал преимущества одному условию, – они параллельны и очень важны.

– **Вот Вы были на передовой. Как Вы относились к тем, кто был в тылу? Такая «фронтовая братва» и «тыловые крысы».**

– Нет, вы знаете, не было такого отношения. Иногда, знаете, потери в ротах были огромные, приводят мобилизацию тылов. «На котле» стоит 3–4 тысячи человек, а в атаку идти некому. Все правдами и неправдами стараются подальше от передовой пристроиться, примазаться. Чувство самосохранения – это от природы. Никуда не денешься. Страшно в атаку идти. Очень страшно. Тем более быть уверенным, что все пойдут, что рота пойдет. Особенно когда долго в обороне сидела. Но у меня не было случаев, что не пошли. Знаете, если боец не поднимется, его тут же расстреляют. В этом же окопе. Поэтому, конечно, чувство самосохранения – его никуда не денешь, – но тут же рядом чувство выполнения долга. И перед своими родными, и перед страной.

Да, чувство самосохранения человеку от природы дано. А чувство долга надо воспитывать. Длительно, годами, непрерывно, постоянно. Даже в человеке образованном. Это надо воспитывать. Чтобы он на смерть сознательно пошел!

– **Рота полного состава 100 человек была? Или только перед началом операции?**

– Даже перед началом операции 100, наверное, никогда не было. Самое большое – человек 75–80. А так в Белорусскую операцию шло человек 30–35, может, 40. Остатки. Не было людей. Уже перебили, все раненые, искалеченные. Нет людей. Техники полно, танки, артиллерия, авиация, а пехоты нет. Поэтому когда западные области освободили, Белоруссию и Украину освободили, там все, что можно было, и подскребли.

– **А в Белорусской операции на танках приходилось ездить или только пешком?**

– Нет, только пешком. Это вы имеете в виду десант? Нет, десант на танках – это только когда все уже успешно развивается, противника рядом нет, сопротивление ослабло и надо быстро куда-то рывок сделать, овладеть каким-то рубежом. Моей роте этого не приходилось делать. А немцы в бою так поступали. Вот мне один бой в Восточной Пруссии запомнился,

когда немцы использовали десант пехоты на танках. Мы там овладели железной дорогой, и немцы контратакуют. Может, танков 15–20, и на них пехота, автоматчики. А мы, не закрепившись, только овладели рубежом. Наше счастье было то, что проходила железная дорога и была огромная насыпь – метров 5–7. И мы тогда укрылись с этой стороны насыпи. Немцы наступают, танки ведут огонь прямой наводкой, а мы с этой стороны насыпи. Чуть повыше – снаряд перелетает метров на сто. Чуть пониже – в насыпь попадает, и она ходуном ходит. Мы, конечно, тут огонь из пулеметов, из автоматов открыли. Танки остановились, пехота спешилась – и все. Так они успеха и не имели. Потом подошли наши самоходки. Сзади меня – я и не видел! – самоходка подошла и надо мной встала. Калибр пушки 152 мм – как бахнет! Я думал, что это немецкий снаряд! Как она меня там не придавила?

– Говорят, что устойчивость пехоты еще во многом определяется 45-миллиметровым орудием, «сорокапяткой». Вам они придавались?

– Была в батальоне парочка, на конной тяге. Конечно, помогали. Но редко в батальоне «сорокапяточки» бывали. Что там! Редко их видел в бою, в наступлении. 76-миллиметровые орудия были. Вот они были эффективны. В боевых порядках пехоты редко они бывали. Помню, где-то там в Литве заняли рубеж. И вдруг смотрю, появились 76-миллиметровые орудия. Шесть орудий. На большой скорости, быстро так развернулись, заняли огневые позиции. И никто ничего не говорит. Но мне-то приятно как командиру роты – шесть пушек за мной стали! Это хорошо. Очевидно, у наших в полку, в дивизии были данные, что атака готовится и они противотанковый резерв дивизии двинули сюда.

– Вы видели, чтобы танк был подбит противотанковой гранатой?

– Лично я не видел. Понимаете, танк на 10–15 метров должен подойти. Ну где это видано, чтобы солдат из окопа... Да даже если не из окопа! А из положения лежа далеко ли бросит два килограмма?! А подняться – его тут же расстреляют. Так что это малоэффективное средство.

– А что Вы скажете про ПТР?

– Могу сказать. Лично стрелял по танкам в бою. Тоже от бедности изобрели. Однажды в Литве рота оказалась в окружении, – мы пробивались вперед и как-то днем оторвались от главных сил дивизии. Сплошного фронта у немцев нет. А я и не знал! Там был хутор, мы его заняли. С нами еще два танка Т-34 без снарядов. На хуторе заняли оборону и сидим спокойно, нас тоже никто не атакует. Меня соединили с командиром дивизии. Командир дивизии Городовиков спрашивает: «Ну как там, Евдокимов?» – «Да ничего». – «Ну, я тебе послал роту противотанковых ружей». И так она до сих пор и идет ко мне, никак не придет. Перед нами поле метров 400, а там еще хутор. И немецкий танк оттуда стреляет. В расчете противотанкового ружья солдатик – какой-то узбек. Я его отстранил, откуда танк стрелял, приметил. Спокойно прицелился, выстрелил – и мы с того места убежали. А минуты через 3–4 как танковый снаряд врежет метрах в 5–6 оттого места, где мы были! У негоже оптика, пушка. А ружье – это примитивное оружие. Примитивное, горе-ружье.

Когда Городовикову было 70 лет, он пригласил фронтовиков. Праздник, стол, подвыпили немножко. Я его поздравляю и говорю: «Та рота, которую вы послали, до сих пор идет!»

– А минометы как наши Вам?

– Могу рассказать и о минометах. Начнем с маленьких, 50-миллиметровых, – это ротные. Они были в роте, на переднем крае. Я сам с них много стрелял. Ну что там? Дальность стрельбы небольшая. Я бы сказал, для потехи какой-то. А вот уже батальонные, 82-миллиметровые, они уже на огневых позициях в тылу. От передовой, быть может, 2–3 километра.

Дальность стрельбы – километров пять. Это хорошие минометы. Но тоже труба стоит, плита, на которую она упирается. 120-миллиметровые минометы – тоже оружие хорошее.

– **Вы могли вызвать минометный огонь батареи или нет?**

– Да, если она мне приданная или поддерживает.

– **То есть Вы знаете, что вас поддерживает?**

– Конечно, знаю. Знаю, что в таком-то районе огневые позиции. И иногда офицер артиллерийский вот там может находиться. Вот, помню, стояли на границе с Восточной Пруссией, уже окопы вырыли. Однажды утром, уже светло было. С нами майор-артиллерист, его солдаты. Все укрепили на переднем крае, и там они быстренько сделали два выстрела по противнику. Один, другой – и он определяет, как они отреагируют.

Дивизион поддерживал уже наш батальон, и командир дивизиона находился с комбатом. А командир батареи должен быть с ротным. Но никого не было. А этот командир два выстрела сделал, данные списал. И мне говорит: «Я буду там, с командиром батальона». Сигналы определил – там ракета или две, и все.

А в Восточной Пруссии меня поддерживала батарея, по-моему, 152-миллиметровых самоходных орудий. Ну, сколько там, четыре орудия. Там командир самоходных орудий со мной находился. Там они в обороне находились. Снарядов много было: он как-то сказал: «Пойдем, постреляем».

– **Ваше отношение к немцам какое тогда было?**

– Тогда, конечно, абсолютная ненависть. Ну это же враг, вооруженный, стреляет по тебе. Поэтому это ненависть. Свою лютую ненависть я, конечно, стремился усилить в своих солдатах. И у всех взводных знакомых такая лютая ненависть была, которую очень хорошо освещал писатель Илья Эренбург.

– **А вот к пленным? Вообще пленным приходилось брать или старались не брать?**

– Пленных брать как-то не приходилось. Но я пленных видел под Витебском. Огромная колонна. Тысячи их тогда в плен взяли. Тогда по Москве 57 тысяч проводили, которые в операции «Багратион» были захвачены. А так не приходилось. Не случилось, чтобы моя рота пленным брала. Но в бригаде, я помню, разведчики двух пленных взяли: здоровых, рыжих, и с ними вышли от нас недалеко. Их допрашивал капитан, начальник разведки дивизии, а потом приказал расстрелять. Но этого я не видел.

– **Скажите, а при такой ненависти какое было настроение при переходе границы с Восточной Пруссией? «Сейчас мы им отомстим»? Или просто радость была, что вот наконец-то достигли?**

– Я помню, как мы, остатки моей роты, уже границы достигли... Там приграничная река Шешупе протекает. С разбегу не перепрыгнешь. Траншеи у них отрытые, а пехотой не заняты. И на глазах подходят немецкие машины, и немцы тутже занимают эти позиции. А мы два месяца прошли, измотаны. Еле-еле доползли до этой Шешупе. И на глазах немцы заняли оборону. А чувства... Враг остается врагом. Никакой жалости, никакого сожаления нет. Такого приказа, чтобы уничтожать всех, стариков и детей, не было – так не настраивали. Я помню, захватили мы один хутор, рота захватила. Я вошел в дом – там еще печь топилась, а жителей нет.

Но вот немцы стали более ожесточенно сопротивляться на прусской земле. Просто будто подменили их. Дома все кирпичные, фундаменты из кирпича. Установлены пулеметы в бойницах. Озверели немцы! Намного сложнее стало воевать. Поэтому тут надо было более

надежно обрабатывать и передний край, и атаки готовить, и так далее. Намного усилилось сопротивление. Они за свою землю воевали.

– **Ас мирным населением приходилось сталкиваться?**

– Нет.

– **В сорок третьем году Вы получили взвод автоматчиков. Взвод автоматчиков – это в целом привилегированная часть?**

– Ну да, правильно. По отношению к пехотному взводу, который винтовками вооружен.

– **Вам приходилось участвовать в самих боях? Потому что, насколько я понимаю, в полку взвод автоматчиков – это личная гвардия командира полка?**

– Ну, вначале так и было. Но я непосредственно воевал командиром взвода, лейтенантом. В Белоруссии 17 сентября ранен был. У меня автомат, и большой, жестокий бой за эту деревню на высоте идет. И я из-за угла дома стреляю, мои солдаты стреляют, и немцы тоже. Бой! И осколком меня ударило. Если бы было посильнее, был бы убит. Конечно, ротный воюет вместе с ротой.

– **А кстати, каски носили?**

– Обязательно. Единственное, противогазы... Когда в атаку ходили, противогазы оставляли. А так, где на марше, все тащим – и у меня противогаз был. А перед атакой мы их в кучу складывали, потому что нет явной угрозы применения газа и отравляющих веществ.

– **А атака все-таки бегом или быстрым шагом или как? Как вообще она происходит?**

– Начинается бегом, быстрым шагом, а потом медленно и короткими перебежками. И ползком, и по-всякому. Атак, когда атака в чистом понимании – это понимается, что идут во весь рост, быстрым шагом. Атак, вот я ж говорю, атака 17 августа 44-го года: пошли, вели огонь, потом залегли, потом перебежками. Мучительная, кровопролитная.

– **А Ваша задача в этот момент – поднимать людей, их подталкивать? И какие функции у командира роты именно в атаке? Даже если она развивается успешно?**

– Конечно, выдержать направление, по местным ориентирам. Если у меня пулеметы есть, если командир-артиллерист со мной, то я ему показываю. Подавить этот пулемет, этот. В первую очередь подавлять огневые точки и направлять солдат, двигаться в нужном направлении по местности. В направлении этого дерева, в направлении этого дома наступать. Управление людьми конкретно на поле боя!

– **100 граммов давали?**

– Да, 100 граммов обязательно было. Не помню в отношении лета, а зимой 100 граммов на каждого солдата обязательно.

– **Что это было? Это было, чтобы снять стресс, или это было единственное удовольствие?**

– Нет, я думаю, это в какой-то мере дух боевой солдат поднимало. Выпьет 100 граммов – и ему будет не так страшно в бой, в атаку идти.

– **Перед атакой давали?**

– Да, перед атакой. Ну а потом, когда выпьет, получше покушает, пободрее. Если перед атакой старшина получит водку, настоящую водку на весь личный состав, тут надо смотреть, чтобы солдаты лишнего не выпили. А то были случаи, когда заходишь в города в Восточной Пруссии, – мне рассказывал начальник штаба другой дивизии. Там полк или дивизия какой-то нечистый спирт захватила, люди перепились. Немцы-то ушли, а они перепились и воевать не могут. У меня такое только один раз было. Спирт был, но как-то мне удалось контролировать. Сам я лично за всю войну никогда не был выпивший. После боя, может, там и выпивал грамм. А в бою никогда! Специально уклонялся. Если выпью 100 граммов – уже не так соображаю. Были случаи, некоторые стаканчик «за воротник». А я нет.

– С разведкой приходилось взаимодействовать?

– Да, приходилось, но редко. Вот, помню, в обороне стояли на реке Шешупе, и в одном месте очень близко передний край. Расстояние маленькое между нами и немцами – наверное, метров 40 было. Надо было взять пленного. Ну, и наши разведчики дежурили несколько дней в расположении роты, у них своя задача была. Нам не говорили. И однажды я куда-то ушел – или в батальон, или во вторую траншею. И вдруг в начале первого какая-то стрельба внезапно началась. Я скорей в роту. Там сообщают: «А разведчики уже пленного тащат». Схватили они на берегу, где-то рядом. Прямо днем. Наши дали огневой налет, разведчики ворвались.

А один раз в Белоруссии была поставлена задача, и нашей роте почему-то, захватить пленного. И вы знаете, пошли мы. Я командир взвода был, и мы пошли: мой взвод и вся рота. Было холодно, осень. Ночью. Пошли мы, через реку переправились, к проволочному заграждению подошли. Там какой-то обрыв. Короче говоря, нас немцы обнаружили, открыли огонь. И мы вернулись. Ну, слава богу, потерь не было. Неудачная была разведка. Атак разведки через передний край и полковые, и дивизионные ходили.

– А в разведке боем приходилось участвовать?

– Нет, но был такой момент (я не помню, в Белоруссии или где), когда мы в обороне сидели. Было принято решение разведку боем провести. Командиром полка был Кольчак. Такой невысокого роста, низенький, сухощавенький. Преподаватель из Академии Фрунзе. Он назначил мою роту в разведку боем. Мне уже объявили, что моя рота будет проводить разведку боем. Там и танки будут, и артиллерия поддержит. Но это, знаете, верная гибель роты. К счастью, приказ потом отменили и разведки боем не было. А этот полковник Кольчак прибыл, когда мы в обороне стояли, немножко в Белоруссии повоевал, в Литве. Получил Героя тоже. И быстро пропал. По болезни, что ли?

– У немцев трофеи какие-то захватывали? Кроме оружия, о котором мы говорили.

– Нет. Никаких таких трофеев больше захватывать не приходилось. Это, может, потом уже, в более крупном масштабе. А мы ротные. Нутам, значит, какой пулемет, автомат, пистолет. А так нет. Это потом, когда мы уже пройдем, тылы следом идут, те, конечно, тыловики... Те хапали, конечно.

– А какое немецкое оружие самое опасное? Самое неприятное? От которого больше всего потерь?

– Понимаете, на этот вопрос так однозначно трудно ответить. В бою для атакующих – автоматы, пулеметы. Автоматическое оружие. А потом, конечно, и танки.

– Какие еще награды у Вас имеются?

– Медаль в сорок третьем году. Потом орден Красной Звезды в 44-м. Потом Героя и орден Ленина, а потом еще орден Красной Звезды. Потом орден Отечественной войны 1-й степени и потом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» 3-й степени. Еще я месяц тому назад получил орден Маршала Жукова и грамоту к нему. И еще у меня есть грамота к ордену Александра Невского.

АЙТАКУЛОВ Асан

Я родился в 1923 году в городе Кант Киргизской ССР. В 1941 году окончил 10 классов Октябрьской районной средней школы. Мы, пять человек, были первыми выпускниками. Тогда не хватало учителей, и в сентябре я стал работать учителем, преподавал математику.

– **Как жилось в Киргизии перед войной?**

– Жили хорошо. Колхоз. На трудодни получали пшеницу. Безработных не было – работы хватало. В газетах постоянно публиковали объявления – требуются рабочие. Заводы, фабрики все работали. Тогда народ жил по-другому. А сейчас работы нет. Сотни и тысячи уезжают в Россию или Казахстан.

– **Перед войной были велосипед, часы?**

– Нет. Какой велосипед... Костяшки, альчики, азартная игра такая. Такой смешной случай перед войной был. Ведь не было ни телевизора, ни радио. После войны радио появилось, а перед войной были патефоны. Первый патефон один активист купил. Он заводит – народ удивляется. Кто поет? Старушки собрались. Одна старушка, рядом жила, спрашивает: «Кто поет?»

– Девочка вот такая, небольшая, в ящике, – говорит хозяин патефона.

– Что кушает?

– Только сливочное масло.

Та побежала домой, целую чашку сливочного масла принесла. «Кормите», – говорит.

– **Кино было?**

– Немое кино крутили. Смотрели в клубе.

– **Что обычно ели?**

– Хлеб. Пекли сами. Тогда на продажу хлеба не было. Дома пшеницу молотят, муку делают, пекут хлеб. Кушают лапшу. Потом делали бозо, типа пива. Мясо – бишбармак называется. У каждого был скот, всякие молочные продукты, айран, кефир, кумыс пили. Тогда жили лучше, чем сейчас.

А 17 декабря 1941 года я был призван в армию. Служил во 2-м кавалерийском корпусе, 26-й кавалерийский полк, который находился за Пишпекком (Бишкеком). В мае 1942 года нас отправили сначала в Тамбов, а в сентябре 1942 года мы попали на фронт. Стали воевать в Брянских лесах.

– **Как сложился для вас первый бой?**

– Боишься, конечно. Вот мы заняли окоп. Идет перестрелка с немцами. В лесу ночью нас выдвинули еще ближе к немцам, а потом пошли в наступление, выбили их оттуда. Рядом

бегут, падают, падают. Пули летят. Даже забываешь, где находишься. Как будто в другом мире находишься сначала. Это же в первый раз. Даже страха нет. Как будто все это во сне проходит. А потом привыкаешь, уже по-другому реагируешь. Но стараешься спастись, прикрываешься, прячешься за дерево. Раньше об этом не думали. А потом при обороне, смотришь, чтобы пуля не попала, укрываешься за камень или бревно. Само все потом приходит, как надо действовать.

– **Когда вас призвали в кавалерийскую часть, кем вы были?**

– Сержантом был, командиром отделения и на фронте командиром отделения был.

– **С лошадьми умели обращаться?**

– А как же.

– **Как использовали кавалерию на фронте?**

– Вот идет фронт. Ночь. Километрах в 20–30 немцы прорвали фронт. Надо остановить их. А пехота когда дойдет... И нас сразу бросают затыкать брешь. Перегородишь, остановишь их наступление. Потом пехота уже успевает, занимает оборону. И еще использовали кавалерию в тылу у немцев: рейды по тылам, мост взорвать, штаб вывести из строя – в основном так использовали. Для быстрого движения. Леса, болота – а верхом быстро. Танки не проходят, машины не проходят, а кавалерия проходит.

– **В чем особенность ухода за лошадьми в военное время? Фураж для лошадей всегда был?**

– В тылу оставляли конюхов, которые за ними ухаживают, кормят. Если надо двигаться – они сразу пригоняют наших лошадей. Кормили чем попало. Овес... Мы возили специальные переметные сумки. Остановишься, достаешь сено. Украинцы давали сено. Они хороший народ, очень добрый. Уважаю украинцев, не могу на них обижаться. Они нас кормили, помогали. Воинственный народ, партизан там сколько было!

– **Какие у вас были лошади?**

– Всякие. И киргизские, и казахские, и донские. У меня – наши, киргизские. Мы вместе с лошадьми на фронт прибывали. Какая была здесь лошадь – и там на ней ездил. Нас отправляли в эшелоне вместе с конями, в вагонах и лошади, и мы.

– **В части какие национальности были?**

– Всякие. И киргизы, и казахи, и русские.

– **Русский язык уже знали?**

– Знал. Перемешались здесь. В Чуйской области много русских, в Бишкеке. Возле шоссе в основном живут русские. Вместе жили.

– **На фронте информация на киргизском языке была?**

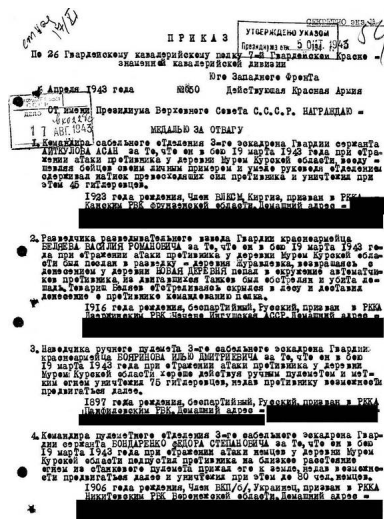
– Нет, только на русском.

– **Вам приходилось выступать в роли переводчика?**

– Нет. Здесь почти все по-русски понимали. А вот на Тянь-Шане, там, конечно, не понимали. Атак в Чуйской долине все понимали, русский язык в школе преподавали, но школа была национальная.

– **Киргизы держались вместе, землячество было?**

– Нет. И с русскими, и с другими национальностями дружили. Такого понятия, чтобы делиться на национальности, не было. Русские – терпеливый, воинственный, преданный народ, хорошие друзья. Менялись часто. Вчера прибыл, сегодня убили, долго не продержатся.

– Какое у вас было отношение к немцам?

– Враждебное. Ненавидели их. Гражданских немцев не видел, только военных. Мы же с ними воевали, сколько наших хороших товарищей убили.

– За что воевали лично вы?

– Когда освобождали Украину, освобождали деревни, там немцы знаешь что делали? Вешали, убивали, насиловали. При отступлении у них была специальная команда, они поджигали дома и разрушали деревни. Если бы они нас заняли – также поступили бы. Их нельзя было дальше пускать. За свою маленькую родину, за свою деревню воевали. Не дай бог, они дойдут до Киргизии. Когда шли в атаку, кричали: «За Родину, за Сталина!» Вера была в Сталина. Что Сталин скажет – это был закон. Например, в 1942 году был приказ Сталина: «Ни шагу назад!». Он сыграл решающую роль. Отступать только по приказу. Если без приказа отступишь – застрелят на месте или в штрафбат. Была тогда крепкая дисциплина.

– Перебежчики были?

– Нет. Об этом даже не думали. Просто наглядно показали, я сейчас так думаю. Я хорошо это помню. В 1942 году нас привезли, что такое фронт, убийства – мы не знали, не видели. Нас построили на поляне полукольцом. А там была свежевырытая яма посередине. Думаем, что это такое? Потом смотрим, одного солдата выводят: шинель накинута, привязана к шее рука. Недалеко от ямы, метрах в 3–4, остановили. Подошли еще пятеро или шестеро. Оказывается, они вышли из боя дня три тому назад. А этот солдат по национальности бурят-монгол. Молодой, лет 20. Он сделал самострел в руку. И врач прочитал целую лекцию. Очень большая разница, когда пуля попадает издалека или самострел. Если самострел, здесь ожог, сразу видно. А если издалека, характер раны другой. Говорит – расстрел, как изменника Родины. СВТ был тогда, самозарядная десятипатронная винтовка Токарева. Командир полка что-то шепнул тем, кто этого должен расстрелять. Потом мы поняли, чтобы сразу не убивать, – три, четыре выстрела. Замучить немножко. Потом стрельнул по ногам. Он упал. Потом еще стрельнул. Мы все видим. Он, бедный, ползет к этому окопу. Приполз к краю – и его добили. Командир полка, здоровый мужик, крикнул: «Собаке – собачья смерть!»

И толкнул в яму. И его закопали. Это был нам наглядный урок: нельзя заниматься такими делами. После такого кто же решится в себя стрелять? Нам преподнесли первый урок.

Наша задача в полку была взять «языков» – немцев в плен, чтобы перед наступлением точно знать, какая часть, какое вооружение, секретную информацию. А вторая наша задача – установить по карте, где расположены их пулеметные и огневые точки.

Однажды меня вызывает подполковник Кутрышев, командир полка. Мы должны были наступать на Киевском направлении. Это был уже 1943 год. 7 ноября взяли Киев, потом Житомир. Вот в этом направлении мы и должны были наступать. Мне поставили задачу: возьмите свое отделение, не больше трех человек. Надо доставить «языка», пленного. Там была речка, за ней деревня, она была у немцев. Мы пошли. Мы заранее знали, где стык, где можно проползти. Зашли в деревню. В одном доме горит огонь, мы пошли крадучись, ночь была темная. Смотрим – ходит часовой туда-сюда вокруг дома. Мы подумали, что здесь, наверное, командир, подползли. Прыгнули вдвоем на часового, придушили. Ножом, у нас финка была, покончили с ним. Потом подошли к окну. Там двое офицеров чем-то набивают чемодан. Дверь открыта. Вошли: «Хенде хох!» Один взялся за кобуру пистолета – мы его сразу на месте пристрелили. А второй, обер-лейтенант, поднял руки. Мы ему кляп в рот, завязали руки и пошли. Он знал чуть-чуть по-русски. Мы говорим: «Делай то, что мы делаем, мы ползем, и ты ползи, а то сразу финка в бок». Проползли вместе и доставили его. Это один такой случай, а их было много.

– Что делали в минуты отдыха?

– В основном какой отдых... постоянно в напряжении. Нас два раза выводили, третий раз я был ранен. Там так. Например, дивизия – 16 тысяч человек, вступаешь в бой, покуда меньше половины не останется – не выводят. Если из 16 тысяч остается 8–9 тысяч, полноценной дивизии нет, то сразу выводят. Твое место занимает другая часть, а тебя выводят. Атам прибывает пополнение с тыла. Опять полноценная часть, а покуда пополняется, та часть уже кончается. Их выводят, нас туда опять.

– Сколько времени шла переформировка?

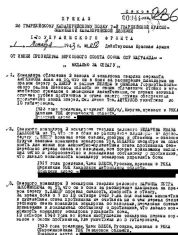
– Иногда за сутки половины нет. Иногда месяц ходишь – полноценный. Смотря какой бой, какая обстановка.

– Сколько раз ходили в атаку?

– Бессчетно. От Киева до Житомира в атаку ходили, Житомир брали. Каждое наступление – атака. Разве считаешь, сколько раз...

– Как в атаке вы управляли отделением?

– У меня 12 человек. Даешь команду, ставишь конкретную задачу: что делать. А потом их разбиваешь, назначаешь старших, даешь команду. Действуешь по обстановке. Пулеметчика надо уничтожить, например. Двоим, троим даешь команду – уничтожить пулемет. Выполняют задание – попробуй не выполнить, приказ. Некоторые говорят, что перед атакой поили водкой, – ни грамма нельзя было. Никакой выпивки. У нас был один командир взвода, в другом взводе. Мы расположились дня на три-четыре в деревне. Там самогон. Оказывается, он пил самогон. Напился, почти пьяный был. Мы в обороне. Командир полка пришел проверять. Смотрит – пьяный командир. Тут же застрелил его на месте. Если он пьяный, будут жертвы, нельзя. Строго было. Даже после боя не давали, запрещено абсолютно. Голова должна быть трезвой.

– **Вы курили?**

– Нет. Но курево давали, я его отдавал просто.

– **Вы воевали с 1942 по 1943 год?**

– Да. Киев не мы брали, другая часть. Между Киевом и Житомиром дорога. Немцы отступали от Киева, а мы перерезали дорогу. Мое отделение отправили задержать быстро. Нас четыре человека, сделали окоп и ждем отступивших немцев. Вот они бегут, большая группа, нас не видят, бегут прямо на нас. А мы четверо с автоматами. Мы их подпустили близко, метров до 100, и начали из четырех автоматов косить. Всех повалили. 62 человека мы насчитали убитых. Командир полка сразу вручил медаль «За отвагу». За «языка» тоже Красную Звезду. Обер-лейтенант был очень ценный «язык», он все выдал, и нам было легче наступать. У меня три награды. Две медали «За отвагу» и Красная Звезда.

Житомир мы взяли в 1943 году. Потом нас немцы окружили. Мы прорвались, Житомир оставили. Между Киевом и Житомиром проходит железная дорога, по этой дороге мы отступали, это было в ноябре. Немцы за нами гнались, мы уже приблизились к своим. Вдруг как будто по ногам ударило палкой, я упал. Пули свистят. Хотел подняться, но не мог. Было разбито бедро разрывной пулей, кость сломана. Мертвые лежали, и я лежал. А наша передовая на бугре в километре-полтора. Я лежал, как мертвый. Немцы кричат над головой. Один наш раненый кричал, они его пристрелили. Мы тоже так делали, когда наступали. Кто будет с ранеными возиться? И они раненых добивали на месте. Я лежу с мертвыми, как мертвый. Немцы перешли. И здесь, в метрах 300–400, их наши остановили, на бугре заняли оборону. А я лежу в тылу. Уже стало темно. Что делать? Единственный выход – надо ползти к своим. А так сколько будешь лежать? Перетянул ногу, чтобы кровь остановить. В ноябре снег, дождь, слякоть. По канавке на железной дороге, в грязи, стал ползти к своим. Приближается утро, я уже приполз к линии. Двое немцев направо лежат с пулеметом, разговаривают, курят. Я долго за ними наблюдал. Разговаривают, нажимают на гашетку, стреляют, опять разговаривают. Я потихоньку переполз, уже стало рассветать, приполз к своим. Крикнул: «Спасайте!» Двое наших прибежали, на плащ-палатку меня и унесли, потом на машину – и в госпиталь. В 1943 году был ранен. 12 мая 1945 года вернулся домой на костылях, живой-здоров, инвалид войны – одна нога короче другой на 5 сантиметров. Меня комиссовали после госпиталя, был уже негодный.

– **Какое было настроение в госпитале?**

– Всякие раны. Кто умирает от операции, у кого какая рана. У кого руки нет, у кого – ноги. Некоторые так мучаются, когда внутренние ранения. Операции, операции. Знаешь, что теперь только домой, уже туда не попадешь...

– **Это хорошо?**

– Настроение, конечно, хорошее, что жив остался, теперь поедешь домой. Если бы легкое ранение, опять на фронт, настроение было бы другим.

– На фронт уже не хотелось?

– Кто хочет на смерть идти? Хотя один в мире есть? Нет такого. Каждый хочет жить. Это закономерное явление. А здесь уже, считай, остался жив. Теперь уже домой. Дом уже снится. Уверен, что домой теперь попадешь, что остался жив, такое настроение.

Я не уважаю узбеков. Они любят трофеи, всякое барахло. Например, немцы лежат убитые, я никогда, хоть они все в золоте, не подходил. А в основном узбеки сразу шарят, часы отбирают. Я это ненавижу. Зачем это? А они падкие на это. Трофеи вообще не брал. Единственное, когда в плен брал, планшетку мне сам отдал – я это взял. А когда ранен был, выбросил.

В госпитале дают нам 800 граммов хлеба на сутки, махорку дают. А там трудармия (я на Урале лежал) голодная ходит. А тот граммов 300 выносит, продает. Нам 800 граммов не хватает, а этот сам голодный и продает еще. Я говорю: «Лишний, что ли, у тебя? Нам не хватает, а ты продаешь». – «Теперь поедем домой. В Ташкенте надо костюмчик купить». Какой костюм? Меня бы голым доставили домой, я рад бы был, а он о костюме думает да еще хлеб продает. Что за народ? Смех берет даже. Такой народ, в крови у них жадность такая.

– Из отделения разведки кого помните?

– Куват Алиев, киргиз. Его там убило. Здоровый, находчивый парень с Тянь-Шаня. А так часто менялись.

– Какое оружие было?

– Финка, само собой. Гранаты, пару штук РГД носили. Автомат.

– Каким автоматом пользовались?

– ПППШ с круглым диском. 70 патронов, 71-й в ствол. Хороший автомат.

– С шашками приходилось?

– Нет, только с автоматом. Шашки были в Гражданской войне. А мы вообще не имели шашек. Какая там шашка? Кто тебя допустит? У всех автоматы, с шашками разве полезешь, в основном это для быстрого передвижения.

– Противотанковые гранаты? Противогазы?

– Противотанковые гранаты, когда ожидали немцев в наступлениях. Атак... они тяжелые. В основном РГД, РФ-1, «лимонка». По две-три носили. Противогазов не было. И сумок противогазных тоже не было. Газ-то не использовали, а зачем они?

– Какая у вас была одежда?

– В сапогах были мы, не в обмотках. Солдатская одежда.

– Как мылись, стирались? Вши были?

– Нет, вшей не было. Меняли часто, не допускали до этого.

– Сами белье прожаривали?

– Часто меняли, до черта было белья. Санчасть была, врачи смотрели.

– Смена белья была?

– Нет. Не носили.

– **Чем кормили на фронте?**

– По-разному кормили. В основном кашей. У поваров были специальные котлы, на ходу варили. Мы едем, а они варят.

– **Что было в вещмешке?**

– Продукты в основном. Хлеб. Боеприпас в автомат зарядить. Патроны таскаешь.

– **Домой письма писали?**

– А как же! На фронте писем не получал, а в госпитале получал. При малейшей возможности писал.

– **Как относились к комиссарам?**

– Замполит был, проводил политработу с солдатами, объяснял, что происходит в мире, проводил воспитательную работу.

– **С особистами приходилось сталкиваться?**

– Нет. Я их не видел.

– **Английская или американская помощь была?**

– Я не слышал об этом.

– **Женщины на фронте были? Допустим, в вашей части?**

– На передовой не было. В санчасти были медсестры.

– **Что было самым страшным на фронте?**

– Когда ранен был, в тылу у немцев раненый остался. Это было самым страшным. А в остальном... конечно, убивают. Пять-шесть друзей убило. Наступаешь, того нет, того нет – убило. Страшно потерять товарищей.

– **Как Вас здесь встретили?**

– Я на костылях домой вернулся. Как мать встречает раненого сына, который живой вернулся?!

– **Работу можно было найти?**

– Я в мае 1945 года вернулся, осенью рана затянулась, бросил костыли. Меня назначили директором в этой школе. И по 1979 год работал директором в крупных школах, в горах работал. Но был перерыв. Тогда было Министерство госконтроля, меня туда взяли старшим контролером. Я там года два поработал, сердце стало барахлить, не мог ездить по командировкам, отказался. И вот по 1979 год работал директором в крупных школах. В 1979 году вышел на пенсию в 56 лет.

– **Война снится?**

– Раньше было. Последнее время – нет. Раньше, когда молодой был, конечно, часто снилась. Даже мать говорит, мол, ты кричишь во сне. Постепенно все забывается.

ВИННИК Павел Борисович

Я родился в городе Виннице, а в 1932 году мы переехали в Одессу, куда перевели работать моего отца. До революции мой отец учился в Высшем техническом училище императора Александра II на факультете механики – он был инженером-мостостроителем. Учился он, кстати, вместе с дедушкой русской авиации Россинским, который разрабатывал с Нестеровым «мертвую петлю». Когда убили Баумана, гражданскую панихиду проводили в актовом зале этого училища, и моему отцу предложили у его гроба читать «А вы, надменные потомки...». Он ни к какой партии не принадлежал, но отказаться не мог, он хорошо умел читать стихи. Тогда его вызвал к себе проректор и сказал: «Вы третьекурсник. Если вы прочтете это стихотворение, то вас в 24 часа вышвырнут из Москвы с «белым билетом» – ни в одно учебное заведение Империи вас не пустят». Отец прочитал – и вылетел. Сначала он стал работать в легкой промышленности, а позже преподавал математику в Одессе. Дед со стороны матери служил сторожем в театре, а тетя Поля, ее старшая сестра, – вахтером. Мама же училась на портниху и работала портнихой в оперном театре. Я с детства был привязан к театру – у меня не было сомнения, что я буду актером. В шестом классе я попал в кукольный кружок и играл роль деда в «Сказке о рыбаке и рыбке». А когда началась война, начались мои трагедии. Отец хотел со мной поговорить, мне было не до этого, и он обижался. А когда мне нужен был его совет, его уже не было в живых...

В это время отец уже не преподавал, а работал в магазине наглядных пособий. Когда началась война, несмотря на возраст и слабость здоровья, отец одним из первых ушел на фронт. Он знал саперное дело, и его взяли. 13 сентября 1941 года мы получили похоронку – отец погиб.

Одесса сразу попала в кольцо. Это было жутко – наступление было просто дикое, ведь немцев поддерживала еще и Румыния. Одесса долго оборонялась... В 1941 году я перешел в 9-й класс, и мы с мальчишками тушили «зажигалки». Когда бомбы падали, их надо было схватить, сбросить и засыпать песком. В армию я попал, когда мне было 15 лет. В городе создавались «истребительные батальоны». Они состояли из рабочих, штатских – в общем, не военных. Когда началось наступление на Одессу, мы начали отступать – сначала по побережью, потом нас морем переправили в Николаев, а дальше снова по суше, на Северный Кавказ. Мама же успела уйти в Винницу к тетке и дяде. Мы отступали до Моздока. Интересно, что, хотя у нас были винтовки, считалось, что мы все еще не в действующей армии. Только под Моздоком была дана команда всех перевести в действующую армию. Мне не хватало возраста, но ребята приписали мне пару лет. Так я попал в 5-ю Ударную армию, 416-ю стрелковую азербайджанскую дивизию, в 1374-й стрелковый полк, в матушку-пехоту. И с ней я прошел до Берлина.

Знаменитая впоследствии 416-я азербайджанская стрелковая дивизия была сформирована, и я получил всю экипировку. Командовал дивизией генерал Сызранцев, а по строевой – генерал Зюванов. Это были очень мудрые, удивительно внимательные полководцы. Они всегда участвовали в боях на очень тяжелых направлениях. 5-я армия называлась Ударной, потом она стала Гвардейской. Эта армия имела очень сильное вооружение. Ударные армии и

по составу, и по формированию специально готовились и для прорыва, и для форсирования крупных рек. Мне пришлось форсировать Днепр, а позже – и Одер, под Кюстрином.

В начале войны мы отступали, отражая немецкие атаки. Немцев поддерживали венгры, итальянцы, румыны. Конечно, нам тяжело приходилось...

– В 1941–1942 годах расстреливали пленных?

– Немцев? Конечно! И немцы тоже. Чудо, если человек попал в плен и его не убили. Они себя чувствовали победителями. Им сказали, что мы – навоз, тряпки, русские свиньи. Девушек они насиловали... Самое страшное – это были рассказы тех, кто попал в оккупацию. В отношении населения у немцев была очень хитрая тактика. Они создавали полицейские соединения – так полицейские издевались над людьми больше, чем немцы, и их это устраивало.

А потом мы погнали их назад. Снова Николаев, Одесса. Армия попала в состав 3-го Украинского фронта, которым командовал Толбухин. Я на всю жизнь запомнил эти бои на 3-м Украинском. Самое страшное – когда теряешь товарищей. В жару мы шли на Кишинев, они драпали... Это была знаменитая Ясско-Кишиневская операция. Там была такая Тираспольская дорога. Там столько трупов было! В основном наших предателей, что с немцами отступали. Ведь многие считали, что никогда большевики не вернутся. Много бежало предателей из Одессы: кто на чем – повозки, лошади. Немецкие танки шли по этой дороге, и немцы их передавили. Собаке – собачья смерть!

Мы шли со стороны Бессарабии, от Одессы. Август 1944 года, жара жуткая. От малярии мы теряли больше людей, чем от ранений. Очень много было винограда, да и вообще жратвы было много. Помню переправу через Буг – это знаменитая река. Когда пошло наступление, было уже ясно, что немцы будут драпать. Но у них было страшное оружие – огнеметы. У меня был друг, сибиряк, чудный парень, помкомвзвода, старшина – он столько мне помогал!.. Я же городской парень, для меня пройти 30 км – это страшно. Я был в ботинках с обмотками, и когда мы прошли первые 30 км и был привал к обеду, я понял, что никуда больше не пойду. Ноги были – сплошные пузыри, красные. Двое ребят побежали за санинструктором, и тот обмыл мне ноги, бритвой разрезал пузыри, смазал ихтиолкой. И вот этот парень-сибиряк смотрит на меня: «А ведь ты не от этого такой грустный. Жить хочешь? Дам совет: тебе сейчас хорошо?» – «Да». – «Живи минутой. Не загадывай наперед – дольше проживешь. А если начнешь думать, внимание пропадает, и можно под пулю попасть».

[illegible]

И вот мы уже врывались в Кишинев, и сбоку огнеметчик дал залп. И этот мой дружок попал под огнемёт. Я до сих пор не могу забыть визг умирающего. Начали его засыпать землей, но бесполезно...

– Немца нашли?

– Нет. Их много было, это же оборона. Потерять друга, да еще так... Наступление в ходе Яско-Кишиневской операции было очень тяжелым – все время тяжелые бои. Да еще перед этим наступлением были немецкие наступления. У немцев было очень много танков, и я помню, как в одном очень сильном бою они утюжили окопы. В результате после завершения операции от нашей роты осталось человек сорок, а может быть, даже меньше. Нас стали расформировывать, пришел командир батальона, и тех, кто постарше, отправили в хозвзвод, а нас – пополнить роту автоматчиков. Вот так я впервые получил вместо винтовки автомат. Это, может быть, меня и спасло на войне. Кроме того, в этом заслуга хорошего командира роты – лейтенанта Салкина, впоследствии капитана.

После взятия Кишинева мы пошли на Бухарест, но в этот момент была дана команда, и нас погрузили в теплушки и вывезли под Ковель в Польшу. Началось новое наступление, но в Польше у немцев были очень сильные оборонительные позиции, и они упорно сопротивлялись. Еще до взятия Варшавы были очень сильные бои; приходилось атаковать, и очень сильно.

– Вы передвигались пешком?

– Только пешком. В роте автоматчиков у нас было всего две повозки, а с ними четыре лошади и ездовые. Все они были азербайджанцы. Они тыловики, не обязаны были воевать. У нас был замкомандира полка по хозяйству – подполковник Гаджиев, жирный мужик. Было наступление, а он развальясь ехал на своей повозке сзади – и тут авиационный немецкий налет. Он успел спрятаться в кювет, а лошадей и бричку разбило. И вот он прибежал к нам в ужасе: «Меня же убить могли!» Для него это было неожиданностью! А мы очень любили своих «кукурузников», они очень активно нам помогали. Они летали ночью, и их атаки были совершенно неожиданными.

В Польше осталось много местного населения. Мы пришли к полякам и сразу увидели разницу: если в Молдавии много фруктов, еды, вина, то в Польше – в лучшем случае картошка и молоко. Кроме жуткой водки, ничего нет. Они нас сначала хорошо приняли, мы свое на стол положим. Еда у нас лучше, знаменитые офицерские консервы с беконом, а у солдат тушенка. «Ну что, пан, германа пойдем бить?» – «Пойдем, пан, пойдем!» – «А колхозы пойдем строить?» – «Ниц не разуме!» Колхозы они наши ненавидели, им столько про них порассказывали. Поляки жили хуторами, у многих были свои куски земли.

На территории Польши мы дрались с власовцами. Они не сдавались, понимая, что им грозит смерть. Тогда появились фаустпатроны, и мы обходили их, потому что не знали, как с ними обращаться. И тогда власовцы первые послали своих парламентаров: за жизнь – откроют секрет фаустпатронов. В роту прислали двух ребят-власовцев, и они нас обучали. Когда ты воюешь из окопа, фаустпатроны ненужны. Вот среди домов – это да.

– Фаустпатроны не таскали с собой?

– Нас ими не снабжали, но они были. Попадется на дороге – мы возьмем. Главное, мы теперь знали, как им владеть, хотя наших «учителей» забрали потом в лагерь. Атаку нас были автоматы. Достаточно оружия было.

В Польше мы нарвались на немецкую танковую дивизию. Была весна, дороги были очень плохие. Вся наша материальная часть отстала, а мы шли вперед. Я никогда не забуду,

как мы, преодолев железнодорожную насыпь, вышли в большое поле. И вот там нас встретили знаменитые «тигры». Это было прямое столкновение с ними, а нам нечем было защищаться! Ребята бросились бежать. Я не забуду, как на линейке мчался наш полковник Калашников и кричал: «Стойте! Хоть не бегите, ложитесь!» А ребята бегут, и немцы прямо им в спины трассирующими... Мы успели добежать до огромнейшего сарая. Я помню: только мы вбежали, как рвануло. Дверь упала на меня, но ребята меня вытащили, я только ушибся. Ранило командира нашего полка, Калашникова. В суете с брочки уронили ящик из-под мин, а в нем лежало знамя полка. Я зачем-то открыл этот ящик, а там – знамя. Через насыпь танки идти не могли, и хотя им было нужно только разойтись и пройти через мостки, но они боялись. Мы перелезли насыпь и, подходя к хутору, попали в штаб полка. Мы вошли, и я положил на стол знамя... При утере знамени – начальство под трибунал, а часть расформировывали. Так что за это я получил свою первую награду, орден Красной Звезды.

При взятии Варшавы, в феврале 1944 года, я получил очень сильную контузию. Было два плацдарма: Радомский и Сандамирский. Наша часть четверо суток была на Радомском плацдарме. Никаких костров: на 6 человек – 3 плащ-палатки, 3 шинели. Мы ложились вшестером и снимали ботинки: в мороз ноги во сне очень стынут в ботинках. Было очень сильное наступление на Варшаву – ее атаквали по Висле, по льду. Немцы этого не ожидали: на льду же окопов нестроишь! Это такой был разгром! А мы с плацдарма взяли влево, и на основные их позиции, на «оборонку». «Оборонка» была сильная, поля заминированы, пехота могла подрываться через каждые 10 метров. Я был в роте автоматчиков, и нас посадили на танки. Три эшелона танков – первый, второй, третий... Я был во втором. Танки перевозили нас через минное поле, мы спешили и шли в наступление. Первый эшелон, когда рванул вперед, попал под прямую наводку, и этот первый эшелон побили, и пехоту, и танки. А мы попали в такую зону, что слышали только свист, – снаряды за нами рвались. Но вот один из этих снарядов нам достался. Я услышал свист, а потом потерял сознание... Когда идет наступление, не сразу везут в госпиталь. Раненых собирают в медсанбаты, расположенные в районе штаба полка или дивизиона, а оттуда потом уже отправляют. Ребята поехали в дивизию за хлебом при наступлении (я уже говорил, что в роте автоматчиков были повозки) и в одной палатке меня нашли. Я лежал бревном – не двигался, не слышал и не говорил. Они меня положили на хлеб, накрыли и вывезли. Самое страшное на фронте – потерять свою часть. Тогда начинаешь новую жизнь!

– Когда Вы брали Варшаву, как к вам относилось население?

– Там была очень сложная обстановка. Там было восстание, которое мы не поддерживали. И поэтому отношение было сложное. Но я еще контужен был, так что не все помню. Мы прошли Варшаву с ходу и пошли на Познань. Тактика у Жукова была такая – если город сходу взять нельзя, его обтекали и шли дальше, чтобы не задерживать основное наступление. Потом другие части их уже добивали. Единственное, что я запомнил, это когда мы оставались у них в селах, то увидели их нищенское существование, настороженное отношение к нам. И тогда нас вдруг перестали вводить в населенные пункты, – на формировании мы стояли в лесу. Там была Армия Народов и Армия Крайова, воевавшие против нас. То село, которое хорошо принимало наши войска, уничтожали свои же. Мы попали в дом польского врача, который говорил хорошо и по-польски, и по-русски. Он предупреждал наше командование, что лучше не наткаться на такие вопросы, как о колхозах и т. д., – дескать, атмосфера сложная. Хотя и немец им достался несладко. Они ненавидели немцев...

После контузии под Варшавой ходить я стал через две с половиной недели. Массаж мне делали, выпить давали. Хотели меня отправить, а я – ни в какую. Рота автоматчиков – в пехоте привилегированный род войск. Охрана штаба, связь с дивизией, почта. Если оборона, ночью пехота спит. А метров 10–15 – боевая точка: мы сидим, автоматчики. Мы их

охраняем, подкрепляем разведку. Самое интересное – это не автомат и не винтовка. ППС – это не ППШ с рожком. ППС был с коробкой, которая надевалась как кастрюля. Еще брали немецкий автомат, знаменитый «шмайсер». Его не надо чистить – пружина была закрыта, к тому же он легче, удобнее, и патронов к нему было много.

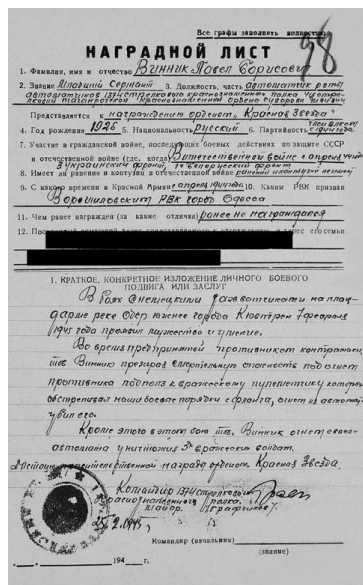
Я считаю, что выжил потому, что был в роте автоматчиков. Правда, рисковать пришлось много. Рота насчитывала до 100 человек, с подразделениями и т. д. А до Берлина нас дошло всего 29 человек, мальчишки. Последнее пополнение было призыва 27–28-го годов. Совсем мальчишки! У нас был чудесный командир, он получил капитана в боях за Берлин. Лейтенант Салкин, морячок в прошлом, отбыл срок в штрафнике. Знаменитые штрафные роты: в атаку они идут первыми. Тех, кто остается жить, переводят и снимают судимость. Потрясающий мужик! Дает нам задание: «Ну, ребята, как будем делать малой кровью?» И все думали...

3-й Украинский, 1-й Белорусский, освобождение Варшавы, переправа через Одер... Одер мы форсировали по льду под Кюстрином. Мы отразили две очень сильные немецкие атаки, и там же, под Кюстрином, был мой первый рукопашный бой. Именно рукопашный, а не штыковой. Вторым был в Берлине. Мы выходили на улицу, и как у него, так и у меня могло оторвать голову. Штурм Берлина... Я никогда не забуду о боях в Берлине. Причем там такая была интересная вещь: Берлин – город удивительный, так безалаберно, несмотря на немецкую пунктуальность и аккуратность, построен! Бои под Берлином шли очень сильные... Мы к этому времени не один город брали: и Варшаву, и Кишинев – это там у меня друг погиб. Каждый город имеет свою специфику, но Берлин – город особый. Он очень большой, очень. Одни подступы, пригород!.. Мы шли со стороны аэродрома. Немцы драпали удивительно: все было уже ясно. Когда мы стали подходить к центральным районам, где стояли большие дома, имеющие гранитный фундамент, начались проблемы. Скажем, идет улица, и на перекрестке дом, у которого нижние этажи превращены в бойницы. Немцы простреливали всю улицу. Никакой танк не может туда попасть! Или, например, прямая улица, но на ней все здания имеют гранитные основания, а вдоль здания – амбразуры, и немцы простреливают всю улицу. Попробуй ее взять! Полное идиотство было бы вводить танки, как сделали в Грозном. Не может танк участвовать в городском бою, это липа! С третьего этажа зажигательную бутылку бросаешь, и танк взрывается со всем, что в нем есть. Было решено брать пехотой. Около шести армий замкнули Берлин. Немцы сопротивлялись очень сильно. Некоторые сдавались, но драчка была сложная. Пехота играла в ней решающую роль.

– Вас формировали в штурмовые группы?

– Спецзаданиями по полку. Танков было дай бог, но в город они не шли. А пехота шла! Надо было освободить центральную улицу. Салкин собрал нас: «Как будем?» – «У меня есть предложение». – «Говори». – «В городе в домах есть черный вход и парадный. Если заходить с черного входа, можно через квартиры верхних этажей выйти в парадный подъезд другого дома». Немцы дали населению команды – не закрывать квартиры. Мы этим воспользовались. Вдвоем с бойцом мы прошли в указанный командиром дом. Во дворе стояли походные кухни, лежали ящики с минами, и немцы там сидели. Буквально через 40–50 минут я остался один, а напарник вернулся и привел туда всю роту. Мы спустились на третий этаж, открыли окна и забросали немцев гранатами. От них месиво осталось, и улица была открыта. Вот что такое, когда командир думает о судьбе своего подчиненного! Разные были. Были такие, которые могли положить всю роту.

Сами жители находились в подвалах. Города были пустые. Входишь в дом – горячая кастрюля, а жителей нет. Они нас боялись, как чумы. Думали, что будем мстить. И было за что! Сколько нашего населения уничтожили! Но мы действовали по приказу Жукова: «Если немец сдается – не убивай!» Бросали листовки: «Сдавайтесь, гарантируем жизнь».

– Действительно не расстреливали?

– Были садисты. Но в целом – нет. Все этажи жилых домов открыты, а они сидят в подвалах. Вот вы спрашивали насчет половых контактов. Мы бежим, немки нас видят и сами ложатся. Дурочки, нам не до этого! Они готовы были на все, только не убивайте. Мужики поднимали руки, а они ложились. Потом поняли, что русские не убивают.

Мы были с противотанковыми гранатами, не с «лимонками». Это более мощное оружие, и еще на нее можно разрывной панцирь надевать. Взрыв был страшнейший. Участие пехоты, наше участие в боях за Берлин было основным. Потом подтягивали саперов, а на окраинах стояла тяжелая артиллерия, и танки на окраинах стояли, только десанты работали.

Каждому подразделению, полку и роте было выдано знамя для водружения на Рейхстаге. Но все зависело от направления. Мы дошли до Александрплац, где потом погиб Берзарин: сел на мотоцикл, рванул, отказали тормоза. Мотоциклист – насмерть, ему сломало позвоночник, и он скончался.

На улицах жуткий огонь стоял! Под ногами валялись оторванные головы, было месиво, бои были очень страшными. И чем ближе к центру, тем опаснее для жизни. А жить хотелось! Вот еще один квартал, дом, атака – и все! Пахнет Победой! Сделаешь неправильный шаг – и «привет, Шишкин». Сколько ребят потеряли! У меня было несколько атак из окопа, но таких, как в Берлине, ратных, в один строй, атак никогда не было. Когда подается команда «Вперед!», каждый делает это по-своему. Кто ползком выбрасывается, кто рывком, по-разному. Пять шагов – и упади. Потом следующие шаги, перебежками. Жить хотелось... Знамя было у каждого, но не каждому было суждено его водрузить.

Мы попали не в Рейхстаг, а во Дворец Фридриха напротив Рейхстага. Он уникальный по красоте, прямо музей. Задняя сторона – река Шпрее. Пусть небольшая, но она его защищала. Мы успели дойти до Бранденбургских ворот, даже ближе. Потом там было посольство СССР, когда я после войны приезжал в Берлин, то все это вспоминал... Центр сгорел весь. Разобраться, где наши, где немцы, было невозможно. Мы, рота автоматчиков, были при штабе полка. В нашем полку было три батальона и вспомогательные подразделения: матчасть, машинная рота и др. Целая комплектация! И вот мы были со штабом полка. Честно говоря, было ощущение близкой, ближайшей Победы. Каждый мыслил: какая она будет, Победа?! И вдруг к утру стало тихо-тихо. Что такое? Мы не могли понять. Снаряды кончились? И вдруг по рации: «Немцы капитулировали. Не стрелять! Ждать распоряжений!»

Немцы шли колоннами на окраину города по определенным улицам, которые им отвели. На углах стояли автоматчики, и они бросали оружие в кучу и дальше шли без оружия. Их построили в колонну.

– Были ли неожиданные ситуации?

– Были, и очень печальные. Когда казалось – все, уже стрелять не надо. Первый раз, когда объявили полную Победу. Это было 2 мая. «Ура, Победа!» Мы стреляли, орали. Потом прибегают парень и говорит: «Во втором квартале, за тем поворотом, склад амуниции. Там такие хромяги!» – это хромовые сапоги. А мы же в кирзе. Человек пять пошло – и вот нет и нет их. Тогда этот парень нас повел. Двух мы не нашли, а трое лежали с простреленными головами... Там была засада.

Когда закончились бои, на все центральные улицы, где стояли части, были выдвинуты походные кухни, и немцам раздавалась горячая пища и хлеб... Первые две недели после Победы мы стояли в переулочке, был такой переулочек Вассер-Гассе. А потом нас перевели в Трептовские полицай-казармы, в Трептов-парк.

Но проживание военных в городе приносило многие неприятности. Было очень строго в отношении «выйти на улицу». Иногда нас замполит посылал за пивом, и один раз меня комендатский патруль арестовал, когда я в очереди за пивом стоял. Нас посадили на «губу» только за то, что мы ходили по улицам без разрешения! Пиво было потрясающее, но если увидит комендантский патруль... Привели в комендатуру, сорвали погоны, посадили на гауптвахту. У нас не было документов на выход. Очень было строго! Только вечером меня освободили.

Даже после Победы случалось, что бойцы погибали в засадах. Гибли люди и по непродуктивности, по небрежности. Тогда был введен режим строгой оккупации. Нас вывели из центра, из Трептов-парка, в город Цосен, в 30 км от Берлина, – это еще Вайсензее. Там позже был знаменитый штаб всех оккупационных войск. Штаб гарнизона стоял в Белом озере, это очень красивый, элитный район. Но и при таком строгом режиме пропало 12 человек из подразделения в составе нашего полка. Оказывается, на территории этого лагеря был бункер-конус на случай бомбежек. Часто ребята туда заходили, спускались вниз. И оказалось, что, решив посмотреть, что и как, они нашли ход, который вел 30 км до Берлина. Там были военные заводы, изготавливавшие оборудование. И когда они это открыли, то пропали почти на неделю. Это была удивительная история!

Берлин был поделен на несколько секторов: английский, американский, французский и наш. Наш – самый центр. Раз в неделю менялись объекты охраны. Мы несли охрану Рейхсканцелярии. До сих пор помню, что Рейхсканцелярия хорошо сохранилась. Мы сменили первую команду и несли охрану. Там был аудиенцзал, где Гитлер награждал своих. И там в стене были сейфы, где хранились ордена рейха. Мы набирали их и у американцев меняли на сигареты. У нас не было сигарет: самое лучшее – «Беломорканал», а так махра. У немцев же сигареты были: валялись прямо на улице, целые блоки сигарет. Мы брали, курили, потом один из наших распотрошил сигарету – оказалось, пропитанная никотином бумага. Когда я попал на фронт, то не курил и не пил. Но в зимний период можно было согреть руки, раскуривая папиросу, и так я начал курить.

Тогда же у меня появился фотоаппарат: очень интересный, знаменитый «Цейс». Я уже говорил, что мы несли охрану гитлеровской канцелярии, а там раньше сидели всякие немецкие флигель-адъютанты. Я зашел взять бумагу, письмо матери написать, открыл ящик, а там фотоаппарат лежит. Когда я общался с немцами, немцы мне сказали: это «зер гут»! В расцвете Германии, в 1938 году, корова стоила 30 марок, а аппарат стоил – 300! Вот какой был аппарат. Когда был первый обмен денег, то я его продал за 17 тысяч, чтобы матери помочь. А потом тут же начался обвал: эти 17 тысяч перешли в 30 рублей. Вот так я камеру и потерял.

Неделю мы охраняли Рейхсбанк Германии. Было так: вдруг происходит скандал, обыск в штабе полка, и арестовывают начальника штаба и двух писарей. В ящиках под документацией у них обнаружили 300 тысяч советских денег. Оказывается, когда очередной батальон нес службу в банке, там денег обнаружили, сколько хочешь. Их передали нашему правительству, органам, но что-то не отдали, и это случайно открылось. На дворе боец и его командир проверяли силу фаустпатрона: стреляли в стенку, а потом замеряли дыру. Боец в очередную дырку влез и кричит: «Товарищ лейтенант! Гроши, карбованцы!» Директор банка не открыл секретный сейф личного хранения. По стенкам были стеллажи с ящиками из металла, и там были деньги – пиастры, шиллинги, лиры, а в центре в картонных коробках лежали наши деньги: из Смоленской, Псковской, Новгородской областей, откуда они были вывезены. Все набили вещмешки. Командир батальона, решив отличиться, положил 200 тысяч и послал как подарок в штаб армии. Тут же ночью по тревоге нас взяли и привезли к коменданту города. Он говорит: «Шаг вперед, комсомольцы!» Подходит: «Давно дома не был?» – «Два года...» – «Сейчас получаете задание. Оскандадитесь – дома своего, как своих ушей, не увидите!» И нас отправили сменить наш же батальон в Рейхсбанке. Салкин сказал: «Подчиняетесь мне лично. Никаких чужих приказов не выполнять. Никого не пускайте. Лично мне подчиняетесь!» Кого только там небывало, каких только чинов! Вывозили три ночи: 13 мешков одного металла. А денег – море! «Студебеккерами» все вывозилось.

После этого мы вернулись в часть. Наш командир любил фотоаппараты. Открыли футляр фотоаппарата, а оттуда монеты посыпались. Его арестовали, но потом выпустили, хотя и сам аппарат не вернули.

Был еще такой «17-й караул» – спиртобаза. Со всего Берлина туда свозили спирт и там его собирали. Спирт был разный: был технический, но был и очищенный. Если бы вы видели! У кого что спрятано: канистра, фляжка... К нам летчики приезжали: «Ребята, мы вам подарочки привезли (кожаные куртки), только поменяйте на спирт». Сначала мы разбавляли «баш на баш», потом поменьше. Но когда спирт разбавишь, он становится теплым, противным. Ребята стали насыпать по краю стакана соли – так было вкуснее. Потом научились: треть стакана чистого спирта, а потом два глотка воды. Такой кайф! Утром встаешь, похмеляться не надо. Выпьешь воды – опять хорошо!

Ездили по секторам совершенно свободно. В хождении была единая оккупационная марка. У нас были свои военторги, куда мог зайти только офицер. А у них – шопы, туда заходит кто хочет. Мы наменяем немецких наград на марки, и они нас на «Виллисе» везут в свои шопы. Мы, охрана, чувствовали себя вольготно. Гуляли с немками.

– **Изнасилований было очень много в Берлине, как говорят на Западе?**

– Вранье. Русский человек, тем более молодой, – чистоплотный. У него нет цинизма. За своими санитарками мы ухаживали, хотя у командира батальона была своя санитарка – ППЖ. Тому поколению было присуще целомудрие. Очень было интересно посмотреть на обнаженную женщину, но можно очень застыдиться. Никогда не забуду картину «Пышка»... Стыдливость была в нашем поколении. Был закон: режим строгой двухсторонней оккупации. Ни немцы не могли ничего противозаконного делать, ни мы. Были, конечно, всякие случаи, жить-то хочется. Но, например, желание пообщаться с девочками кончалось триппером в лучшем случае. Оказывается, было два батальона специально зараженных девушек, чтобы наших солдат отравлять и заражать. Но нас оберегали. У нас в солдатском клубе командир нашего полка полковник Калашников кричал: «Победители! У вас дома матери, сестры, а вы что, берлинский триппер на хую привезете?!» Все гогочут!

– **Немцы менялись с течением времени? Их мораль?**

– Безусловно. Как было в начале войны, я уже говорил. А то, что я увидел в Берлине, – это было полное уважение к нам со стороны немцев. Лозунг «Если немец сдается – не убивай!» примирил, сгладил отношения между нами. Никаких диверсий, злопыхательств уже не было, и среди населения ненависти не было.

Войну я закончил старшим сержантом. Началась мирная жизнь. Для фронтовиков режим казармы – это необъяснимая система, когда строят и ведут на обед строем. Старшина говорит: «Запевай!», а никто не хочет. Доходят до столовки: «Кругом! В часть бегом! Стоп! Поворот направо! Запевай!» И опять никто не поет... Было принято решение как можно скорее избавиться от фронтовиков. Началась демобилизация. Первый эшелон – старики. Я попал во второй эшелон, из-за контузии. Я был уже не годен к строевой. Мне предложили учиться в пехотном училище, а я – нет. Я же всегда в актеры хотел!

КРУТСКИХ Дмитрий Андреевич

Я родился 7 ноября 1920 года в крестьянской семье, проживавшей в Воронежской, ныне Липецкой, области. Мой отец, унтер-офицер царской армии, в Гражданскую командовал конной разведкой 14-й пехотной дивизии 1-й Конной армии. Однако его офицерское прошлое сильно сказалось как на его судьбе, так и на моей.

В тридцать первом году я закончил четыре класса. 3 мая, ночью, учительница Елизавета Владимировна Дмитриевская увела меня в детский дом. Перед этим она предупредила моего папу, что за ним приедут из НКВД. Отца арестовали и обвинили, как тогда говорили, в «ахвицерских» замашках. Впоследствии, через два года, его выпустили. Я же до 34-го года был в детдоме. В 34-м году началось расширение учебных заведений, и меня определили на учебу в фабрично-заводскую десятилетку. Через год я поступил в только что открывшийся коммунистический политехпросветтехникум, который находился прямо напротив нашей десятилетки. Там из нас готовили комиссаров. Меня приняли кандидатом в комсомол – крестьян не брали сразу в комсомол, а давали год стажа. В тридцать седьмом году в стране был брошен призыв: «Даешь 300 000 летчиков стране!» Райком комсомола решил командировать несколько человек, в том числе и меня, в Ленинградское имени Ленинского комсомола летное училище. Там меня не приняли. Я попытался поступить в другое – нигде меня не берут. Везде мне отвечают: «У нас набор закончен». Как я сейчас понимаю, на моих документах стоял какой-то штампик, на который я внимания не обращал, но который говорил о моем происхождении. Ситуация была отчаянная: денег у меня не было, спал я на Марсовом поле, в Летнем саду в кладовке, которую случайно нашел. И вдруг в одном из училищ полковник, с которым я разговаривал, предложил мне прийти на следующий день к Михайловскому замку. Я пришел. Меня принял полковник Златогорский, и после разговора с ним я был зачислен в Военно-инженерное училище имени Жданова. Учили нас очень хорошо. В училище я был принят кандидатом в члены партии и был назначен временно исполняющим обязанности командира взвода.

Надо сказать, что 37-й–39-й годы – это время гонений на офицерский корпус, когда происходило вопиющее уничтожение офицеров. В училище не было ни одного лейтенанта! Из нас, неучей, назначали командиров!

Окончил я училище. Прошло последнее торжественное заседание, а наутро было служебное совещание. Пришли. Сидел я во втором ряду. Выходит воентехник второго ранга и начинает рассказ о новом оружии. На столе президиума лежат два здоровых чехла. Говорил про то, какие у нас есть танки, самолеты, еще что-то. В конце говорит: «И еще вот у нас есть...» – и достает СВТ. Вот она такая-то, такая-то. Так повернул, так повернул и – в чехол. Потом из другого чехла достает ППД. Повертел, поговорил и обратно положил. На этом закончилось наше знакомство с новым оружием.

Присвоили нам звание «лейтенант», и меня направили командиром взвода инженерных войск на полуостров Рыбачий. Нас, кандидатов в члены партии, было всего 8 из 200 выпускников, и нас всех обещали послать на Дальний Восток. Это тогда было модно! Только что прошли Хасан и Халхин-Гол! Но эти семеро поехали без меня. Я был очень расстроен. Тогда я не понимал, что это из-за отца. Однако благодаря усилиям комбата, который пред-

ставил меня начальнику училища Воробьеву, мне переправили назначение, и я уехал в Кандалакшу. Все ж какой-никакой, а город. Приехал я в Кандалакшу 9 сентября 1939 года и сразу был назначен командиром взвода 16-го отдельного саперного батальона 54-й стрелковой дивизии. В этот момент там уже была напряженная обстановка. Я, конечно, ничего этого не понимал, но разговоры шли о войне. Началась учеба. Блеснул я там лыжами – я был хороший лыжник.

Пятого ноября мы сдали все имущество, и под видом выезда на учения нас в эшелоне повезли на юг. Вместо учений прибыли на станцию Кочкана, что под Беломорском. Откуда выдвинулись на лыжах к госгранице на Реболы. Прошли примерно 40 км. По ходу учились развертываться, организовывать разведку. Потом за нами пришли машины, погрузили и повезли в Реболы. Там мы ждали начала войны. Знакомились с пограничниками. Они у нас выступали, беседовали, рассказывали об особенностях театра военных действий. Мы же не знали ни финского оружия, ни финских мин, не видели финской одежды. Граница в моем понятии, да и многих других – это огромный деревянный забор под небеса. Многому научили меня «старики» из моего взвода: Андрей Хлущин, Павел Рачев, Мельников, Ремшу, Микконен. Им было по 40–45 лет. Они меня сыном называли.

Примерно за двое суток до наступления пришел приказ сформировать лыжный разведотряд. Для этого я отобрал 42 человека, умевших ходить на лыжах. В основном это были карелы, финны, вепсы, сибиряки-охотники. В должности командира этого отряда я отвоевал Финскую.

Да, так вот, когда в реальности в 6.00 30 ноября подошел я к границе в районе 661-го погранзнака, спрашиваю у пограничников, которые выводили нас на Хилики-1:

– Где же забор?

– Да нет тут ничего – вот тропа, и все.

Хилики первые взяли легко. Пошли дальше. Взяли вторые Хилики. Когда третьи Хилики брали, мы их окружили и разбили «вдребезину»! В этом бою в какой-то момент я стрелял с колена, стоя возле дерева. Разрывная пуля попала мне в шишак. Она меня так дернула, что я упал. Лежу и думаю: «Что такое?! Как же так – я лежу, а солдаты видят?!» Тогда же считалось, что командир должен быть только впереди: «Ура! В атаку!» и т. д.

С боями шли все дальше, и я скажу, что мы могли уйти в Кухмониemi (Kuhmo), но поступил приказ встать в оборону. Вот так мы попали в окружение. Дивизия попала в два котла: 337-й полк и наш 16-й отдельный саперный батальон – первое кольцо. Второе кольцо – два пехотных полка, арtpолк, танковый батальон, разведбат и штаб находились от нас в 9 километрах. Пятый погранполк закрыл разрывы между нами двумя блокгаузами. Правда, в процессе боев один из них был уничтожен финнами.

Мы выдвинулись. Нужно было создать фронт так, чтобы наши позиции не простреливались хотя бы из пулеметов. Я-то, лейтенант, не понимал этого, но комбат Куркин был очень опытный. Как он говорил: «Оттуда станкач и оттуда станкач, чтобы не простреливали». Раздвинули роты. Отрыли три ряда траншей. Перекрыли их лесом в три слоя. Землянки отрыли и в три наката перекрыли. Минные поля поставили, проволоку натянули. У нас были две установки зенитных счетверенных пулеметов. У финнов авиации не было – за всю войну над нами только три раза пролетали их самолеты. Эти счетверенные пулеметы мы поставили в траншею на открытых участках. Они косили пехоту на хер! После нескольких попыток финны по открытым участкам перестали ходить – старались по лесам. Мы наладили взаимодействие с 337-м полком майора Чурилова. В общем, оборону создали как надо! Поэтому нам и удалось выстоять. Плюс, конечно, взаимодействие с пограничниками, которые хорошо знали и местность, и финнов. Удачно к нам шла на выручку лыжная бригада полковника Долина. Они очень умно были использованы – держали дорогу. Вывозили раненых, подвозили снаряды. Правда, к нам уже никто не доходил. Питание и боеприпасы нам сбрасывали

с самолетов. Только один раз к нам пробились четыре машины с продуктами и двумя полковыми пушками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.